

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ XVII
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 24

8 ДЕКАБРЯ

1910 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ V.

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

Адресъ редакціи и конторы: Спб. Вознесенскій, 36, кв. 26. Телефонъ 497—55.

Безобразова М. С. „Исторія одного воробья“. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к. *Одобрено* для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для учен. библ. низшихъ учебн. заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Бьялевская О. А. „Напѣль“. Стихотворенія. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к. *Одобрено* для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для учен. библ. низшихъ учебн. заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Кондуршинъ И. С. „Въ деревнѣ“. Разказы и сказки. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Купринъ А. И. „Слонъ“. Съ рисунками. Цѣна 25 к. (Все изданіе разошлось).

Карроль Льюисъ „Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ“. Любимая книга англійскихъ дѣтей. Переводъ Allegro. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 1 р., въ папкѣ 1 руб. 25 коп.

Лондонъ Дженъ. „Букъ“. Исторія одной собаки. Переводъ Н. Манасеиной. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к. *Одобрено* для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.* *Допущено* въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ для III—V классовъ.

Малахѣева-Миревичъ В. Г. „Золотой домъ“. Сборникъ разказовъ. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ папкѣ 1 р.

Одобрено для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Императрицы Маріи.*

Манасѣина Н. И. „Разказы для дѣтей“. Со многими рисунками. Изданіе 2-е. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к. *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.*

Одобрено для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Манасѣина Н. И. „На Рождество“. Три разказа. Съ рисунками. Изданіе 2-ое. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ и признана заслуживающей вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.

Одобрено для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Допущено въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Манасѣина Н. И. „Мамино дѣтство“. Разказъ изъ институтской жизни. Съ отдѣльными рисунками на мѣловой бумагѣ. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Поливановъ В. П. „Воронь.—Индѣйцы“. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

1910 годъ.

Декабрь № 24.

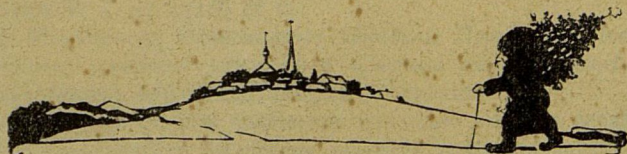
ЖУРНАЛЪ

ТРОПИНКА.

Содержаніе.

1. Виолеемская Звѣзда -- картина *Бёрнъ-Джонса*.
2. Сочельникъ царя Алексея Михайловича—*Н. Манасеиной*.
3. Царевна Земляничка—пьеса въ стихахъ—*П. Соловьевой*.
Съ рисунками автора.
4. Цербетская принцесса (повѣсть изъ дѣтства и юности Екатерины II)—*Н. Манасеиной*. Конецъ первой части.
5. Шарады.
6. Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 21-мъ, 22-мъ и 23-мъ №№.
7. Ребусъ № 9.
8. Содержаніе.

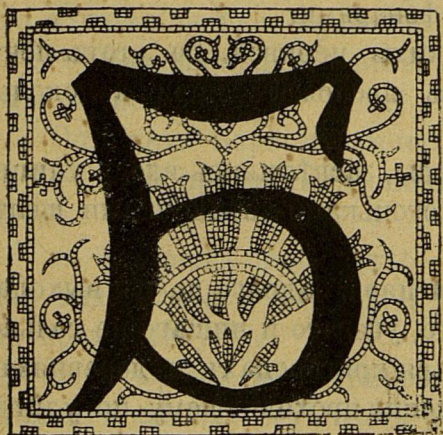

Вифлеемская звѣзда.

Картина Бёрнъ-Джонса.

Сочельникъ царя Алексея Михайловича.

БЫЛА еще темная ночь, а царь Алексѣй Михайловичъ уже всталъ и пошелъ для умыванья въ свою мыленку, а оттуда въ крестовую для обычной утренней молитвы.

Послѣ сумрака опочивальни и мыленки, особенно ярко блестя освѣщенный лампадами и свѣчами и богато украшен-

ный жемчугомъ и драгоценными камнями иконостасъ.

Каждое утро молился царь въ крестовой, а послѣ молитвы посылалъ ближняго человѣка къ царицѣ, спросить о здоровьѣ и какъ почивала? Потомъ самъ ходилъ здороваться съ нею въ ея столовую палату.

А сегодня не послалъ царь къ царицѣ, и самъ не пошелъ къ ней.

Рано поднималась Наталья Кирилловна, но сегодня царь проснулся часа за четыре до свѣта. Во всѣхъ слюдяныхъ окошкахъ постельныхъ палатъ и у царицы, и у царевичей, и

у царевенъ большихъ и малыхъ еще темно было. Такъ рано царь поднимался всегда въ Сочельникъ, наканунѣ Рождества.

Помолившись въ крестовой, онъ одѣвался для своего обычнаго въ этотъ день тайнаго выхода. Надѣвалъ шубу, золотую шапку съ мѣховой опушкой, въ руку бралъ свой любимый индѣйскій посохъ изъ чернаго дерева и выходилъ изъ кремлевскаго дворца на улицу. Только небольшой отрядъ стрѣльцовъ и нѣсколько подьячихъ сопровождали царя. Дорогу ему освѣщали слюдяными фонарями.

Молчали колокола кремлевскихъ церквей. Въ этотъ день „тайнаго выхода“ не полагалось провожать царя колокольнымъ звономъ.

Точно упавшія на землю звѣзды, засвѣтились вдоль улицы огоньки слюдяныхъ фонарей. За огоньками-звѣздочками шель царь.

Темно еще было, но на пути царя, задолго до его выхода, собралось все, что было скорбнаго, убогаго и нищаго не только въ самой Москвѣ, но и во всѣхъ ея пригородахъ и деревняхъ. Отовсюду тянулись руки къ медленно проходившему по улицѣ царю. Ни одна протянутая рука не оставалась безъ подаенія. Каждаго просящаго одѣлялъ царь изъ мѣшковъ, которые несли за нимъ подьячіе. Каждый изъ царскихъ рукъ получалъ на разговорънѣе къ Великому празднику.

Но самые несчастные во всей Москвѣ не могли выйти на улицу къ проходу царскому. Крѣпко держали ихъ тюрьмы своими рѣшетками, засовами, замками и цѣпями желѣзными. Неволей и муками выкупали тюремные сидѣльцы свои грѣхи. Были между ними такіе, отъ которыхъ даже свои близкіе отступились. Родные позабыли. Сидѣли несчастные, всѣми забытые, долгіе годы не видѣли ни солнышка, ни звѣздъ, ни

снѣгу бѣлаго, ни зелени весенней. Ни праздника, ни будней у нихъ не было, одна темнота и мука.

Вотъ къ этимъ то изъ несчастныхъ несчастнымъ и собрался въ Сочельникъ царь Алексѣй Михайловичъ.

— „Царь идетъ! Царь идетъ!“—проносилося вдругъ по тюрьмѣ. Гремѣль засовъ, распахивалась тяжелая дверь. Пахнуло свѣжимъ морознымъ воздухомъ. Огоньки-звѣздочки заглянули къ тюремнымъ сидѣльцамъ. А въ дверяхъ самъ царь. Стоитъ, опираясь на свой посохъ индійскій, и горитъ его золотая шапка, камнями изукрашенная.

— Батюшка царь нашъ! Вспомнилъ для Великаго праздника Христова.

Одѣляетъ царь тюремныхъ сидѣльцевъ поочередно.

— Для праздника Великаго,—говоритъ онъ кротко и ласково.

— Батюшка царь нашъ!—гудитъ въ отвѣтъ тюрьма, заглушая тихій голосъ царскій, и гулъ проникаетъ во всѣ ея дальніе потайные углы.

Изъ тюрьмы къ плѣннымъ проходитъ царь и тамъ всѣхъ одѣляетъ казною. Безъ счета даетъ. Сколько рука захватитъ—подаетъ. Даетъ нѣмцамъ, полякамъ и татарамъ и черке-самъ.

— Для праздника Великаго!

Отъ плѣнныхъ по богадѣльнямъ идетъ царь. Здѣсь вмѣстѣ со стариками живутъ сироты-дѣти, подкидыши.

Пустѣютъ мѣшки у подъячихъ. Царь Алексѣй Михайловичъ поворачиваетъ назадъ въ Кремль.

Утро встаетъ морозное, ясное. Точно бѣлыя сверкающія шапки заблестѣли заваленныя снѣгомъ крыши темныхъ бревенчатыхъ домовъ, засверкали золотые кресты на церквахъ радугой расцвѣтились слюдяныя оконца.

Тяжело опираясь на посохъ, медленно поднимается царь по крыльцовымъ ступенямъ, усыпаннымъ бѣлымъ пескомъ съ Воробьевыхъ горъ. Усталъ онъ. Ноги отяжелѣли отъ непривычной ходьбы. Душа устала. Много горя перевидалъ онъ за эти часы.

А всѣмъ ли помочь? Всѣхъ ли, какъ надо, одѣлилъ?

„По мѣрѣ силъ надѣлилъ. По мѣрѣ силъ“, — говоритъ самъ себѣ Алексѣй Михайловичъ, а все неспокойно у него на душѣ.

— Прибавить казны для раздачи нищей-братіи у Красныхъ воротъ да на Лобномъ мѣстѣ, — говоритъ онъ подычимъ, остановившись передъ распахнутой уже передъ нимъ дверью. Потомъ входитъ въ сѣни и направляется прямо въ царицыны покои.

Здѣсь все убрано по праздничному. Вычищены образа, живопись на потолкахъ и на стѣнахъ вымыта, а гдѣ нужно, подправлена. Лавки праздничными бархатными полавочниками въ узорахъ покрыты. На окнахъ наоконники изъ краснаго бархата и тоже узорами расшитые.

Здороваются царь съ царицею. Кланяются другъ другу, цѣлуются трижды.

— Челобитни я съ боярыней, царь государь, смотрю, — говоритъ Наталья Кирилловна. — Вдовы да сироты къ празднику подавали. Съ утра мы съ боярыней ихъ разбираемъ, и, вотъ, погляди, сколько ихъ еще тутъ. Всѣмъ что-нибудь пожаловать надо. Есть такія, что у нихъ ни роду, ни племени нѣтъ. „Окромя Бога и тебя, государыни, помощниковъ не имѣемъ“. Вотъ, какъ пишутъ. Одна вдова горькая просить постричь ее, чтобы она бѣдная, межъ дворовъ волочась, не погибла. „Нага, боса хожу“ — пишетъ.

Взволнованная царица вдругъ замолчала. Вглядѣлась въ лицо мужа. Увидѣла, какое оно блѣдное да усталое.

— Или тебѣ, свѣтъ-государь, занедужилось? — испуганно спросила она. — А я то съ разговорами и усадить тебя позабыла. Присядь, государь, сдѣлай милость.

— Усталъ я малость, только и всего. Не тревожься, свѣтикъ мой, государыня. Пойду я къ себѣ до часовъ отдохнуть. А ты своимъ дѣломъ займись. Дѣло неотложное: „Окромя Бога и тебя помощниковъ нѣтъ“. Потрудиись, государыня.

И ушелъ царь. А черезъ часъ уже стоялъ на часахъ въ дворцовой церкви.

Наталья Кирилловна къ часамъ не поспѣла. За челобитными засидѣлась, потомъ говорила съ боярынями про завтрашній столъ для нищей-братіи, потомъ дѣлала смотръ праздничныхъ окреть государя, царевичей да царевенъ, свои наряды смотрѣла, куличи, сдобныя-перепечи, испеченныя, чтобы отдаривать на первый день Рождества пріѣзжихъ боярынь, смотрѣла.

Такъ весь день и прошель.

Только къ вечернѣ собралась Наталья Кирилловна. Праздничный царскій уборъ надѣла. Впереди себя царевенъ въ вѣнцахъ и царевича Іоанна пустила. Маленькаго царевича Петра мама на рукахъ понесла. И пошли они по сѣнямъ и переходамъ, за ними боярыни ближнія, а боярышни впереди попарно шли, высокими свѣчами дорогу освѣщали.

Въ серединѣ вечерни царь съ боярами изъ дворцовой церкви въ Успенскій соборъ къ патріаршему служенію пошелъ. Съ нимъ ушелъ недавно объявленный наслѣдникомъ царевичъ Ѳедоръ.

Не по утреннему дѣлалъ царь этотъ выходъ.

Для Сочельника подавали ему шубу бѣлаго шолка, соболями подбитую, съ кованымъ золотымъ кружевомъ на рукавахъ и золотыми нашивками. Не индійскій черный посохъ, а

жезлъ, драгоценными камнями изукрашенный, былъ въ рукахъ царя. И шли за нимъ бояре въ бѣлыхъ тафтяныхъ шубахъ, въ высокихъ шапкахъ съ драгоценной опушкой. А впереди и рынды, и стрѣльцы, и приказные люди.

Гудятъ надъ Москвой колокола и, какъ лампы небесныя, теплятся надъ нею, бѣлокаменной, золотыя звѣзды. Изъ окошекъ теремовъ царскихъ, приподнимая занавѣски тафтяныя, царевичи и царевны стерегутъ возвращеніе царя-батюшки.

Вотъ идетъ онъ въ своей бѣлой съ золотомъ шубѣ среди бѣлаго снѣга, подъ золотыми рождественскими звѣздами. А колокола такъ и гудятъ, такъ и гудятъ.

Во дворецъ царь вошелъ. Тихо въ сѣняхъ, переходахъ и покояхъ. Только церковный звонъ слышится. И вдругъ, заглушая звонъ, въ столовой, куда прошелъ Алексѣй Михайловичъ, грянуло пѣніе. Это со славленьемъ духовенство пришло, а за духовенствомъ славленники изъ ближнихъ и дальнихъ монастырей, богомольцы, пѣвчіе, воспѣваки нагрянули.

— Христось рождается!—раздается по сѣнямъ и переходамъ. Ни на минуту не умолкаетъ пѣніе: кончатъ одни, другіе начинаютъ. Всѣмъ славленникамъ и воспѣвакамъ жалуетъ царь по ковшу меда бѣлаго да краснаго. Стольничьи съ серебряными ковшами по столовой избѣ такъ и бѣгаютъ.

А у царицы свое славленье, и въ теремахъ у царевенъ свое, и у царевичей тоже славятъ.

— Христось рождается!—поетъ всѣми своими теремами и покоями кремлевскій дворецъ.—Христось рождается!

Потомъ сразу все стихло. Славленниковъ какъ не бывало. Вечернее кушанье въ царицыныхъ покояхъ подали. Царь, царевичи и царевны собрались у Натальи Кирилловны въ ея столовой палатѣ съ потолкомъ, расписаннымъ звѣздами.

Стучать двузубья золоченья вилки и ложки о серебряныя тарелки. Всѣ до вечера ничего не ѣли. Даже маленькій царевичъ Петръ—и тотъ до звѣзды постился. За то теперь до сыта всѣ покушали. Ъли икру и балыкъ, и пироги подовые, и уху стерляжью, и сочельническое кушанье—кутью пшеничную съ медомъ. А какъ покушали, да на столъ подали яблоки, груши да сладости разныя: пастилу, пряники да коврижки—все уже по другому пошло. Развеселились. Всѣ шесть царевенъ, отъ старшей, двадцатипятилѣтней Марѣы, до младшей, двѣнадцатилѣтней Θεодосіи, какъ птицы защебетали.

— А завтра сахарныхъ лебедей, орловъ, утокъ, голубей давать будутъ.

— Завтра шубки венецейскаго бархата, по серебряной землѣ травками и репьями золотыми расшитыя, надѣнемъ.

— И ожерелья бобровыя и вѣнцы съ жемчужными поднизями.

— Вечеромъ станемъ пѣсни пѣть, загадки загадывать, олово, воскъ лить!

Перебиваютъ другъ друга царевны:

— Качели новыя у насъ въ терему повѣсили.

— Перепечей видимо-невидимо боярыни навезуть.

— Люблю перепечи.

— Охота мнѣ большая комедію объ Есеири поглядѣть. Говорили мнѣ, что ко второму дню все въ комидійной хранилѣ для нея готово будетъ,—сказала самая красивая изъ царевенъ—царевна Софья.

И царевнѣ Марѣѣ, ея другу первому, также хочется на Есеирь поглядѣть. Надоѣли обѣимъ царевнамъ дурки да шутихи. Хоть для праздника хочется на другое взглянуть.

— Батя, возьми меня на медвѣжій бой!—вдругъ звонко, на всю столовую, крикнулъ царевичъ Петръ и бросился

къ отцу, вполголоса разговаривавшему съ Натальей Кирилловной.

— Возьмешь?

Залюбовались отецъ съ матерью на красавца сына. Кудрявый, глаза горять, самъ рослый. Никто не скажетъ, что ему до четырехъ лѣтъ не хватаетъ.

Любуется и наслѣдникъ, царевичъ Ѳедоръ, на своего крестника и брата любимаго.

И просить то онъ такъ, что отказать никакъ нельзя.

Обнявъ Алексѣй Михайловичъ царевича, крѣпко къ себѣ прижалъ.

— Возьмешь на медвѣдей?—шепчетъ мальчикъ.

— Возьму.

— И потѣшные огни возлѣ дворца зажжемъ?

— И потѣшные огни.. А ты что же, Иванушко, къ медвѣдямъ не просишься?—обратился царь къ девятилѣтнему сыну. Болѣзненный, тихій мальчикъ сидѣлъ молча, наклонившись надъ своей тарелкой.

— Я, батя, лучше къ оленямъ схожу. Я медвѣдей боюсь.

— Боишься?—Маленькій Петръ соскочилъ съ отцовскихъ колѣнъ и подбѣжалъ къ брату.—Сказывали мнѣ, что къ празднику изъ Каширы прислали медвѣдей, которые и пляшутъ, и маршируютъ съ ружьемъ, и на палкѣ верхомъ, какъ ребята малые, ѣздить..

Іоаннъ оживился, спрашивать сталъ. Петръ сѣлъ съ нимъ рядышкомъ на лавку, и заговорили между собой братья о томъ, что имъ любо было: о медвѣдяхъ, объ оленяхъ, о новыхъ попугайныхъ клѣткахъ и новыхъ лазоревыхъ кафтаннахъ, сшитыхъ къ празднику кармакъ.

Царевны между собой шепоткомъ о своемъ говорятъ. Царь съ царицей также о своемъ. Разсказываетъ Алексѣй

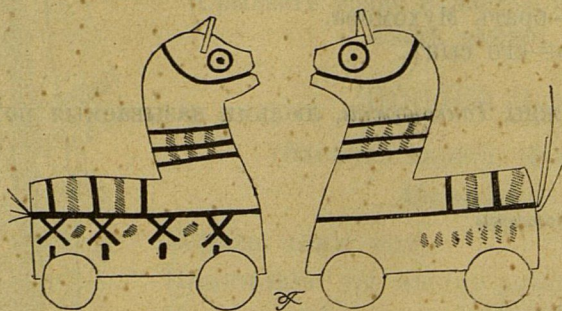
Михайловичъ Натальѣ Кирилловнѣ о томъ, какъ онъ по тюрьмамъ ходилъ и что тамъ ему увидеть привелось.

Заморскіе часы въ передней царицыной комнатѣ восемь часовъ отбили.

— А теперь и на покой пора,—сказалъ Алексѣй Михайловичъ и поднялся со своего мѣста. За нимъ всѣ поднялись. Опустѣла столовая царицына палата. Всѣ заснули во дворцѣ, а царь все еще стоитъ въ своей крестовой передъ иконами въ золотыхъ окладахъ, все молится. Молится, чтобы Господь сохранилъ всю семью его любимую, ему, царю, послалъ силы помогать всѣмъ несчастнымъ, всѣмъ тѣмъ, у кого на землѣ, кромѣ царя, другого помощника нѣтъ.

Молится царь. Въ слюдяное окно смотреть на него звѣзды рождественскія.

Н. Манасеева.

Царевна Земляничка.

Пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ.

Посвящается тремъ Наташамъ.

Дѣйствующія лица.

Мухоморъ—царь Грибного и Ягоднаго царства.

Царица Малина—его жена.

Царевна Земляничка—ихъ дочь.

Гусеница—царица Червей.

Царевичъ Червякъ—ея сынъ.

Борикъ—мальчикъ.

Старый Филинъ.

Землемѣръ—воспитатель царевича Червяка.

Волнушка—старая няня царевны Землянички.

Боровикъ—братъ Мухомора.

Березовикъ—его сынъ.

1-ая }
2-ая } Княжны *Тонконожки*, людьми называемыя поганками.
3-ья }

1-ая }
2-ая } *Сыроѣжки*.
3-ья }

4-ая }
5-ая }
Еловая Шишка } бродяги.
Сосновая Шишка }

Брусничка.

Черничка.

Костеничка.

Груздь.

Осиновикъ.

(Грибы, Ягоды, Червяки, Букашки, Жучки—лица безъ рѣчей).

Дѣйствіе I.

(Сцена представляетъ лѣсную поляну. Посреди большой мшистый камень. Раннее утро).

ЯВЛЕНІЕ I.

(Входитъ царевна Земляничка).

Земляничка.

Я чѣмъ свѣтъ сегодня встала,
У меня такъ много дѣла.

Мигомъ чепчикъ завязала,
Живо платье надѣла.

(Подходитъ къ камню).

Кто-то будетъ въ гости къ намъ,
Царь-отецъ сказалъ вчера мнѣ
И готовить пиръ гостямъ
Приказалъ на этомъ камнѣ.

(Срываетъ траву и листья и хлопочетъ
возлѣ камня).

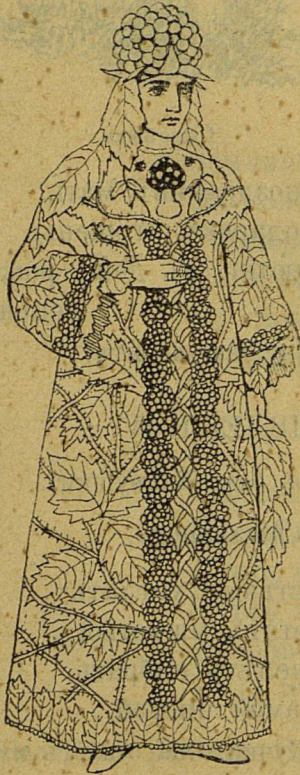
ЯВЛЕНІЕ II.

(Входитъ царица Малина).

Малина.

Зорька алая моя,
Поднялась ты нынче рано:
Предразсвѣтный сонъ тая,
Неподвижна вся поляна.
Лѣсъ родимый спитъ, молчить,
Подъ росой склонились травы,
А работа ужъ кипить,
Пиръ готовишь ты на славу.

(Обнимаетъ и цѣлуетъ дочь).

Царица Малина.

ЯВЛЕНИЕ III.

(Волнушка быстро входит, опираясь на палочку).

Волнушка.

Земляничка, карій глазъ,
Аленькія щечки,
Сыроѣжка родилась
На сосѣдней кочкѣ.
Отъ земли едва видна
Въ шапочкѣ зеленой,
Но зато ужъ такъ умна:
Будущій ученый.

Земляничка.

Очень рада я узнать.

Сыроѣжка.

Отнеси, поздравивъ мать,
Ты въ подарокъ угощенье
Для малютки въ день рож-
денья.

(Волнушка уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ IV.

(Тѣ же, безъ Волнушки).

Земляничка.

Надо листьями устлатъ
Камень этотъ мшистый
И росы велѣтъ набратъ
Самой, самой чистой.

Волнушка.

(Хлопаетъ въ ладоши. Входятъ Букашки и Жучки. Она отдаётъ имъ приказанія).

Земляничка.

Объщаль мнѣ Ландышъ дать
Бѣленькія чашки.
Въ нихъ хочу я медъ подать
Съ кашицей изъ кашки.

(Букашки и Жучки уходятъ. Малина и Земляничка устилаютъ листьями камень).

ЯВЛЕНІЕ V.

(Входитъ Волнушка).

Волнушка.

Земляничка, старый Жукъ
На спину свалился.
Съ перепуга онъ за сукъ
Лапками схватился,
Но подняться нѣту силъ,
Лишь усами водить.

Земляничка.

Паучекъ пусть будетъ миль
И его проводить.
Пусть онъ къ Ландышу зайдетъ
Здѣсь же по сосѣдству.
Капель тотъ ему нальетъ:
Онъ, вѣдь, знаетъ средство.

(Волнушка уходитъ. Букашки и Жучки вносятъ цвѣточные колокольчики съ росой и бѣлая чашечки Ландыша и уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

(Тѣ же, безъ Волнушки, Букашекъ и Жучковъ)

Малина.

(Разставляя чашки).

Земляничка, мы не знаемъ,
Кто сегодня будетъ къ намъ,
Для кого приготавлиемъ
Этотъ пиръ. Какимъ гостямъ?
Какъ бы худа не случилось!
Не идетъ забота прочь.
Охъ, боюсь! Недаромъ снилась
Мнѣ Оса всю эту ночь.
Сны мои бываютъ сладкіе,
А сегодня снились гадкіе.
Чуть я вспомню ихъ яснѣе,
Какъ отъ страха вся краснѣю.

ЯВЛЕНІЕ VII.

(Входитъ Волнушка).

Волнушка.

Очень Жукъ благодарить:
Сердце больше не болитъ.

Земляничка.

Няня милая, Волнушка,
Я люблю тебя, старушка:
Суетишься все, хлопчешь,
Всѣмъ лѣснымъ помочь ты хочешь.

Волнушка.

Да на старости то лѣтъ
Помогать мнѣ всѣмъ и слѣдъ
А не то въ лѣсной глуши
Не спасешь своей души.

Земляничка.

Вотъ что, няня, ты пойди,
Сыроѣжекъ приведи.
Пусть надѣнутъ шляпки новыя:
Розовыя, сѣрыя, желтыя, лиловыя.
Помоги имъ выбрать платья:
Съ ними буду здѣсь плясать я.
А оттуда по дорогѣ
Вы къ княгинѣ Тонконогѣ
Всѣ съ поклономъ заходите
И княженъ съ собой ведите.
У княженъ всегда готовы
Съ чернымъ бѣлыя обновы.

Волнушка.

Ихъ поганками зовутъ
Люди въ дерзости своей,
Давать, рвутъ, ногами мнутъ
Старыхъ, юныхъ и дѣтей.
Что ни день, то вновь бѣда:
Узнаю про злое дѣло я.
Оттого княжны всегда
Носятъ только съ чернымъ бѣлое.
Вѣдь, отъ людей лишь тѣмъ бываетъ честь,
Кого удастся имъ зацапать да и съѣсть.

Земляничка.

Не забудь же про поклонъ
И скажи, что очень жду
Сыроѣжекъ и княженъ.

Волнушка.

Хорошо, иду, иду.
(Уходить).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

(Входятъ Бруснички, Чернички и Костеничка).

Брусничка.

Мы Бруснички и Чернички
Грибнаягодной земли
По желанью Землянички
Всѣ на зовъ ея пришли.

Костеничка.

Костеничка, Клюквы дочь,
Я пришла, чтобъ вамъ помочь.

Малина.

Станьте, Ягодки, всѣ въ рядъ,
Покажите вашъ нарядъ.

ЯВЛЕНИЕ IX.

(Входятъ Мухоморъ, Боровикъ, Березовикъ, Подосиновикъ, Груздь и другіе грибы).

Мухоморъ.

Готово все? Я очень радъ.
(Къ Боровику).

Садись сюда, любезный братъ.

(Къ Малинѣ).

Царица, —рядышкомъ со мной.

Царь Мухоморъ.

(Къ Боровику).

Ты говоришь, идуť войной
На нашу землю Червяки?
Теперь задержатся полки.

(Къ Земляничкѣ).

Дочь, Земляничка, подойди,
Скорѣй въ глаза мнѣ погляди.
Надѣла новый ты нарядъ?
Къ лицу тебѣ, я очень радъ.

ЯВЛЕНИЕ X.

(Входятъ Волнушка, Сыроѣжки и Тонконожки).

Волнушка.

Всѣхъ одѣла и съ собой
Привела ихъ всѣхъ гурьбой.
(Всѣ раскланиваются и становятся по бокамъ).

Мухоморъ.

Теперь все объясню, не тратя лишнихъ словъ:
Царица-Гусеница шлетъ ко мнѣ пословъ.
На дочери моей Червякъ царевичъ хочетъ
Жениться, и о томъ царица-мать хлопочетъ.
Издrevле Червяки врагами были намъ.
Но, если нашу дочь царевичу отдамъ,
Навѣки заключимъ съ врагами примиренье.
Должны мы дочь отдать для общаго спасенья.

Боровикъ.

Пусть пожалуютъ, увидимъ.
Только, думается мнѣ,
Мы не даромъ ненавиdimъ
Червяковъ по всей странѣ.

Березовикъ.

Мнѣ кажется, спросить царевну не мѣшаетъ.

Мухоморъ

Что спрашивать? Она царевича не знаетъ.
Но свѣтлой сказкой жизнь откроется предъ ней,
Коль суждено ей стать царицей всѣхъ Червей.

Малина.

Отъ Червяковъ нашъ родъ всегда терпѣль.
Какъ къ Земляничкѣ онъ посвататься посмѣль?!

Мухоморъ.

Я говорилъ и повторяю снова:
Царица-мать миръ заключить готова.
Пусть нашъ Грибной и Ягодный народъ,
Забывъ страхъ къ Червякамъ, во здравіи живетъ.
Прошу васъ, сдѣлайте привѣтливыя лица:
Червякъ сюда идетъ и мать его царица.

ЯВЛЕНІЕ XI.

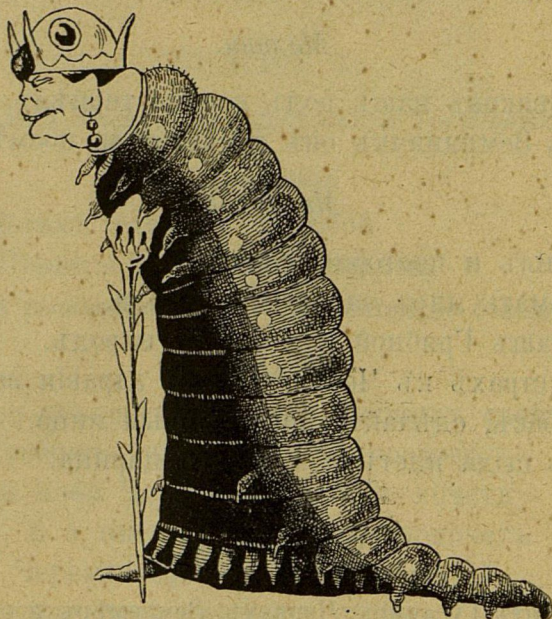
(Входятъ Гусеница, Червякъ, Землемѣръ и свита).

Гусеница.

Давно стремилась я въ великій темный боръ,
Чтобъ посѣтить тебя, преславный Мухоморъ.
Ты знаешь, далеко въ садахъ мои владѣнья,
А я всегда боюсь дорогъ, передвиженья.
Для путешествія Улитокъ я взяла,
Пять дней и пять ночей въ повозкѣ ихъ ползла.
Но за усталость я награждена сторицей
Тѣмъ, что увидѣлась съ Малиною царицей.

(Малина кланяется).

Примите мой прїѣздъ, какъ вѣрной дружбы знакъ.
А вотъ мой старшїй сынъ, наслѣдникъ мой—Червякъ.
(Червякъ кланяется).

Царица Гусевна.

Мухоморъ.

Добро пожаловать, царевичъ и царица!
Столь лестной дружбою мы можемъ лишь гордиться.
Съ дороги закусить прошу, чѣмъ Богъ послалъ.

Червякъ.

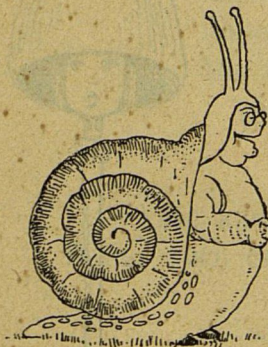
Ужасно ѣсть хочу: въ дорогѣ отошаль.
(Садятся вокругъ камня на пенечки и закусываютъ).

Мухоморъ.

Теперь Грибной и Ягодный народъ
Пропляшетъ въ вашу честь и пѣсни вамъ споетъ.

Хоръ Грибовъ.

Мы въ чащѣ лѣсной
И въ дождикъ, и въ зной
На мшистыхъ коврахъ появляемся,
Молчаньемъ лѣснымъ
Стоимъ и молчимъ
И лѣса красѣ удивляемся.
Тамъ дальше трава,
А выше—листва
Березокъ и темныя елочки.
Мы къ жизни встаемъ
И ночью и днемъ
Сквозь мшинки, травинки, иголочки.
Крѣпка голова,
Но часто трава

Бабушка улитка.

Намъ шапочку держать, какъ ниткою...
(Рѣшительно).

Мы въ жизни своей
Не любимъ червей
Съ ихъ бабушкой, старой Улиткою.

Гусеница.

Прекрасный хоръ, его мнѣ слышать лестно,
Но Червяковъ они коснулись неумѣстно.

Мухоморъ.

Что вы глупости поете!

(Къ Ягодамъ).

Ягоды, надѣюсь я,
Вы получше пѣснь найдете
Для царицы и меня.

Хоръ Ягодъ.

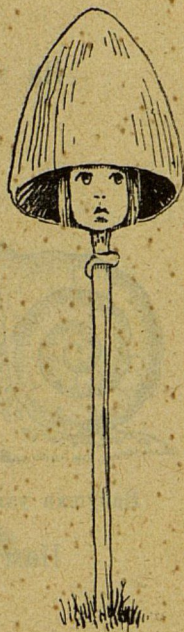
Пѣсню мы поемъ царицѣ,
Достославной Гусеницѣ,
И, катясь со всѣхъ сторонъ,
Всѣ — Чернички и Бруснички,
Дочка Клюквы, Костеничка,
Собрались здѣсь на поклонъ.
И наслѣднику царицы,
Достославной Гусеницы,
Червяку — отъ насъ привѣтъ.
Пусть растеть большой и жирный
И, питаясь данью мирной,
Пусть не ѣсть нашъ лучший цвѣтъ.

Мухоморъ.

Бѣлошапочныя вы,
Тонконогія сестрицы,
Пропляшите средь травы
Вашу пляску въ честь царицы.
(Тонконожки пляшутъ и поютъ).

Хоръ Тонконожекъ.

Корешочекъ, корешокъ,
Ты на мигъ насъ отпусти,
Чтобы сдѣлать намъ прыжокъ,
Чтобы въ пляскѣ намъ пройти.
Надъ землею переберемъ

Княжна Тонконожка.

Тонкими ногами,
Руки бѣлыя сплетемъ
Въ пляскѣ надъ лугами.
Любо намъ пуститься въ плясъ
На полянкѣ гладкой.
Шляпки бѣлыя у насъ
Съ черною подкладкой.
Ну, скорѣй, еще прыжокъ!
Живо пляску завершимъ.
Корешочекъ, корешокъ,
Мы назадъ къ тебѣ спѣшимъ.

(Возвращаются на прежнія мѣста).

Червякъ (Тихо матери).

Ахъ, какъ мнѣ нравится тотъ толстенькій грибокъ!
Вотъ, такъ бы и погрызъ.

Гусеница.

И погрызешь, дай срокъ.

Мухоморъ.

Теперь Земляничка съ пятью изъ подругъ
Пропляшетъ, царица, предъ вами.

Гусеница (Тихо сыну).

Хоть разъ погляди на царевну, мой другъ,
Любуешься только Грибами!

(Земляничка съ Сыроѣжками пляшутъ).

Хоръ Сыроѣжекъ.

Мы тѣшимся пляской лѣсною.
Со мною, царевна, со мною!

Кудрявыми мшинками машемъ
И пляшемъ, и пляшемъ, и пляшемъ.
Пропляшемъ въ честь темнаго бора,
Царя всѣхъ грибовъ Мухомора
Съ царицей всѣхъ Ягодъ Малиной.
Мы цѣпью сплетаемся длинной
И пляшемъ въ честь милыхъ гостей
И въ честь Землянички своей.

Гусеница.

Мы благодарны вамъ за ласку.
Пріятно было видѣть пляску.
Искусствомъ обладать — прекрасная при-
вычка,
Но отчего молчить царевна Земляничка?

Малина.

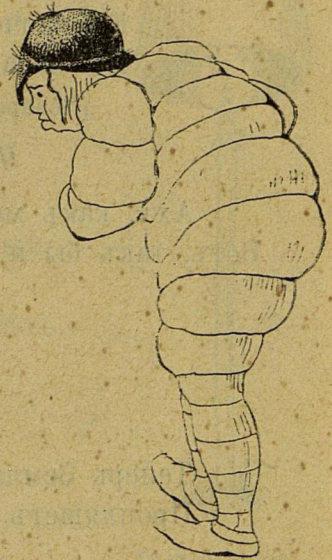
Она при старшихъ говорить не смѣетъ:
Скромна, и при гостяхъ, чуть погля-
дятъ — алѣетъ.

Червякъ.

Но, — мы надѣмся — видаться ежедневно
Придется намъ; привыкнетъ же ца-
ревна.

Земляничка.

Прошу васъ, на меня вы оба не сердитесь,
Но жить всегда въ лѣсу едва ли вы рѣшитесь,
А я не думаю о жребіи иномъ,
Какъ только вѣчно жить въ лѣсу моемъ родномъ.

Царевичъ Червякъ.

Мухоморъ (Тихо дочери).

Что опустила длинныя рѣснички?
Не нравится Червякъ царевичъ Земляничкѣ?

Земляничка.

Я, батюшка, смотрѣла такъ и сякъ.
Ужасно мнѣ не нравится Червякъ.

Мухоморъ.

Не стану я тебя неволить, дочь.
Но какъ же быть, что дѣлать, чѣмъ помочь?
И мнѣ Червякъ, признаться, не по праву,
А какъ, миръ сохранивъ, отправить всю ораву!

Гусеница.

Царь Мухоморъ, скажи, что это значить?
Царевна, не пойму, смѣется или плачетъ,
Ты съ нею шепчешься и самъ ты, какъ не свой.
Вамъ не по праву мы, я и царевичъ мой?
Мой бѣдненькій Червякъ: еще бывъ невеличкой,
Онъ все твердилъ: „Когда увижусь съ Земляничкой!“

Волнушка.

Все гляжу: ну и женихъ!
Онъ въ гостяхъ, положимъ, тихъ,
А на волю отпусти—
Корешковъ не унести!
Загрызетъ онъ весь народъ,
Говорю я вамъ вперёдъ.

Березовикъ.

Скажемъ безъ обиняка:
Не хотимъ мы Червяка.

Березовикъ.

Подосиновикъ.

Мухоморъ пусть смотритъ гнѣвно:
Мы не выдадимъ царевны.

Брусничка.

Не согласны мы никакъ,
Пусть домой ползеть Червякъ.

Грибы.

Груздь.

Мы найдемъ ей жениха,
Пусть уходитъ отъ грѣха!

Тонконожка.

Ихъ пріѣздъ совсѣмъ напрасень:
Онъ ужасень, онъ ужасень.

Волнушка.

Да и мать то,—знакъ плохой,—
Такъ и водить жаднымъ ртомъ.

(Къ Ягодамъ).

Изъ васъ, дѣтки, ни одной
Не останется съ листомъ.

Сыроѣжка.

Люди только для насмѣшки
Насъ назвали „Сыроѣжки“,
Ну, а этотъ въ краткій часъ
Впрямь сырыми съѣстъ всѣхъ насъ.

Боровикъ.

Царь, ужель отдашь ты дочь?

Грибы и Ягоды (Кричатъ).

Не хотимъ, долой ихъ, прочь!

Землемѣръ (Тихо Червяку).

Ты, царевичъ, не кручинься:

Все тебѣ устрою я.

Примирившимся прикинься

И надѣйся на меня.

Червякъ.

Ну, что же, маменька, о чемъ же ты хлопчешь?

Здѣсь не желаютъ насъ. Уѣдемъ, если хочешь?

Дадимъ терпѣнія и кротости примѣръ.

(Тихо).

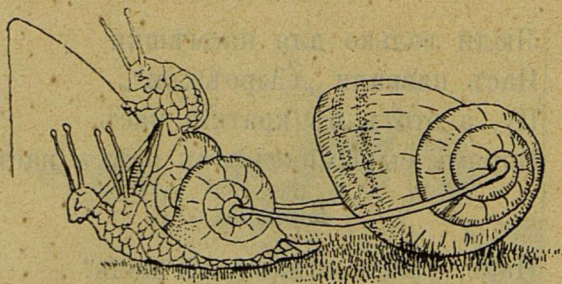
Не бойся: все для насъ устроить Землемѣръ.

Гусеница.

Уѣдемъ, милый сынъ, намъ нѣтъ здѣсь больше мѣста.
Сурово приняла насъ гордая невѣста,
Сурово принялъ насъ и весь ея народъ.

(Свить).

Улитокъ разбудить немедленно. Впередъ!

Улиткина повозка.

Малина.

Зачѣмъ же уѣзжать хотите вы такъ скоро?
Вѣдь, ѣхать далеко вамъ до садовъ отъ бора,
А во дворцѣ у насъ покоевъ очень много.
Вамъ приготовлю я, лишъ не судите строго.

Гусеница.

Для огорченныхъ, какъ сегодня мы,
Повѣрьте, вашъ дворецъ печальнѣе тюрьмы.
Мы ѣдемъ не одни, дорога намъ знакома,
И оба мы хотимъ быть поскорѣе дома!

(Уходятъ).

ЯВЛЕНИЕ XII.

(Тѣ же, безъ Гусеницы, Червяка, Землемѣра и свиты).

Земляничка.

Ушли? Совсѣмъ? Ну, скатертью дорога!
Не знаю, какъ благодарить мнѣ Бога.

Мухоморъ.

Ты такъ утѣшена, но неспокоенъ я.
Ты знаешь: мой народъ мнѣ, какъ семья моя.
А мысли черныя и страшны, и тяжки:
Поднимутся войной, отмстятъ намъ Червяки.

Малина.

И у меня то сердце не на мѣстѣ:
За сына Гусеница станеть мстить невѣстѣ.

Земляничка.

Я не боюсь, и жизнь мнѣ кажется легка,
Съ тѣхъ поръ, какъ уползла вся свита Червяка.

Мухоморъ.

Что сдѣлано, того не воротить назадъ.

Волнушка.

Авось не выдастъ Богъ, и Черви не съѣдятъ.

Малина.

Идемте, Ягодки, въ дворцовыя палаты,
Рубины подбирать, нанизывать гранаты.

(Уходятъ. Нѣсколько времени сцена остается пустой. Потомъ, осторожно оглядываясь, входятъ Гусеница, Червякъ и Землемѣръ).

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Землемъръ.

Я свиту отослалъ, чтобъ намъ мѣшать не смѣла,
И на свободѣ вамъ повѣдаю, въ чемъ дѣло.

Червякъ.

Ну, говори скорѣй; я страшно раздраженъ:
Царевну выбралъ я изъ сотни разныхъ женъ,
Лишь для того, чтобъ пить меда изъ царской бочки
И кушать ягоды и толстые грибочки,
А вотъ теперь лишень я пищи тонкой.
Должны мы овладѣть несносною дѣвченкой!

Землемъръ.

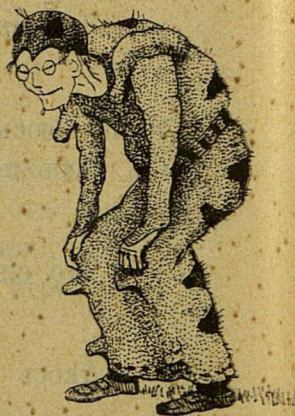
Да, силой овладѣть намъ лучше во сто
кратъ.

О мирѣ пусть теперь Грибы поговорятъ!
Когда бъ она дала согласье на вѣнчанье,
Должны вы были бы исполнить обѣщанье.
Ну, а теперь назадъ оно вернулось къ вамъ.
Долой, царь Мухоморъ! Дорогу Червякамъ!
Царевною мы овладѣмъ силой.

Царь, чтобъ увидѣться съ своею дочкой
милой,

Заложниковъ намъ дать, а мы поступимъ
такъ:

Немедля всѣхъ съѣдимъ.

Землемъръ.

Гусеница.

Доволенъ ты, Червякъ?

Червякъ.

Отлично, маменька, пошлемъ часть нашей свиты.

Гусеница.

Придумалъ неумно, свой пылъ останови ты.
Какъ за царевною пошлю я Червяковъ?
Всѣ тамъ останутся, чтобы поѣсть Грибовъ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

(Входятъ Ш и ш к и).

Еловая Шишка.

Я смолой намазалъ руки.
На ладони липкихъ рукъ
Мухъ ловлю себѣ отъ скуки:
Пусть завидуетъ паукъ!

Сосновая Шишка.

Подрались вчера двѣ бѣлки.
Въ лапки я леталъ изъ лапокъ
И въ жестокой перестрѣлкѣ
Надавалъ имъ цапъ-царапокъ.

Еловая Шишка.

Что бы выдумать похуже
На сегодняшній намъ день?
Поскорѣй придумай, друже,
Мнѣ—такъ что-то думать лѣнь.
Горемыки мы съ тобою:
Въ грязь затоптаны судьбою.

Сосновая Шишка.

По землѣ то мы валяемся,
Мы со всякимъ соромъ знаемся.

Еловая Шишка.

А, вѣдь, когда-то я и ты
Мы на родимыхъ зрѣли вѣткахъ
И внизъ глядѣли съ высоты,
Качаясь тихо въ хвойныхъ сѣткахъ.
Вотъ было счастье...

Сосновая Шишка.

Затянулъ!

Что вспоминать: пустые толки!
Озлился вѣтеръ и стряхнулъ
Меня съ сосны, тебя же съ елки.

Землемъръ.

Вотъ, кто намъ можетъ пригодиться.
Съ бродягами заговорить, царица?

Гусеница.

Бродяги страшные съ ужасной черной мордой!
Они годятся, да. Имъ Земляничкой гордой
Не трудно овладѣть. Пусть къ намъ ее ведутъ,
А мы ихъ будемъ ждать неподалеку тутъ.
Я имъ награду дамъ, какой имъ и не снится.
Скажи: ихъ наградить всѣхъ Червяковъ царица.
(Уходить съ Червякомъ).

ЯВЛЕНИЕ XV.

(Тѣ же, безъ Гусеницы и Червяка).

Землемъръ.

Эй вы, рожи невозможныя,
Вы товарищи дорожные,
Коль шататься надоѣло,

У меня найдется дѣло.
Сослужите службу мнѣ:
Въ Грибнойгодной странѣ
Есть царевна Земляничка,
Краснощека, невеличка.
Къ ней посватался Червякъ,
А она горда: никакъ
Не согласна на вѣнчанье.
Просто съ нею наказанье!
Надо вамъ ее поймать,
Чтобъ про то не знала мать
И отецъ, чтобъ не провѣдалъ.
Вамъ о дѣлѣ я повѣдалъ.
За него вамъ двумъ царица
Червяковъ всѣхъ, Гусеница,
Обѣщала много дать.
У дубовъ васъ будемъ ждать.

Еловая Шлика.

Что же, мы согласны, ладно.
Коль не будетъ намъ накладно,
Мы готовы услужить:
Каждый долженъ ѣсть и пить.
(Уходятъ).

Дѣйствіе II.

ЯВЛЕНІЕ I.

Лѣсная чаща. Вечерѣть. Входитъ Борикъ.

Борикъ.

Я цѣлый день въ лѣсу брожу,
Но ничего не нахожу.

Бываетъ часто такъ у насъ:
Я пропустилъ обѣда часъ,
И къ ночи лишь вернусь домой.
Сегодня лѣсъ неласковъ мой,
И за день не нашель, какъ есть,
Я ничего, чтобы поѣсть.
За то я видѣлъ чудеса:
Передо мной прошла лиса
Съ гурьбою рыжихъ лисенятъ;
Нашель я выводокъ зайчатъ;
Жука рогатаго словилъ
И—всѣхъ на волю отпустилъ.
Попался яркій мотылекъ,
Въ кружкахъ; какъ волосъ, хоботокъ.
Ужасно рѣдкій экземпляръ.
Когда бъ я лучшій былъ школяръ,
Его бы въ мигъ я усыпилъ,
Но я—плохой и не ловилъ.
Усталъ. Пора домой итти.
Мнѣ по знакомому пути.
Вотъ, только малость отдохну,
На мохъ прилягу подъ сосну,
(Ложится и закрываетъ глаза).

Лѣсные голоса.

Милый мальчикъ, отдохни.
Мы твои всѣ мысли ловимъ.
Въ эти солнечные дни
Мы судьбу твою готовимъ.
Будемъ мы встрѣчать, любя,
Каждой вѣткой, каждой птичкой.

Мы давно здѣсь ждемъ тебя,
Ждемъ съ Царевной Земляничкой.

(Борикъ открываетъ глаза).

Борикъ.

На яву или во снѣ
Голоса звучали мнѣ
Тихо, тихо, какъ изъ дали?
Я взглянулъ — и перестали.

(Закрываетъ глаза).

Лѣсные голоса.

Приходи къ намъ каждый день
Изъ шумливой духоты,
Въ злато-сумрачную тѣнь
Приноси свои мечты.
Здѣсь въ лѣсу живетъ, растеть
Наша милая сестричка
И тебя, не зная, ждетъ,
Ждетъ царица Земляничка.

Борикъ.

Опять я слышу: снова, вотъ,
Мнѣ говоритъ, меня зоветъ.
Жужжанье пчель иль это птичка
Поетъ:—царица Земляничка!

(Открываетъ глаза).

Темно! Я долго продремалъ.
Скорѣй домой, я опоздалъ.

(Вскакиваетъ).

Все спитъ: сосна, цвѣтокъ, былинка.
Скорѣй! Но гдѣ жъ моя тропинка?

Сюда? Лѣвѣй? Направо?—Нѣтъ!
И темнота, и лунный свѣтъ
На все ложатся, какъ узоръ.
Молчить угрюмо мрачный боръ.
Свѣтъ на березовыхъ стволахъ,
Какъ мѣль. Мнѣ страшно... Глухой страхъ!
Въ лѣсу чего бояться мнѣ
Въ глубокой, доброй тишинѣ?

ЯВЛЕНИЕ II.

(Входитъ Филинъ).

Филинъ.

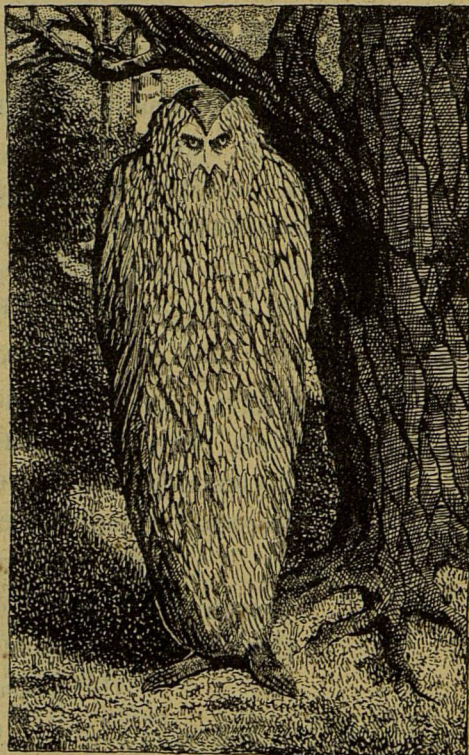
Хо-хо-хо-хо! Попался братъ!
Ха-ха-ха-ха! Бѣги назадъ!
(Борикъ вздрагиваетъ, но тот-
часъ же оправляется).

Борикъ.

То старый Филинъ, гость
ночной,
Спугнулъ насъ вмѣстѣ съ
тишиной.
Не страшень мнѣ твой вѣ-
щій крикъ:
Вѣдь, я люблю тебя, ста-
рикъ.

Филинъ.

Вотъ какъ! Да кто жъ тебѣ
повѣритъ тутъ?
Вѣдь, это мы не лжемъ, а
люди часто лгутъ.

Филинъ.

Борикъ.

Я правду говорю и позапрошлымъ лѣтомъ
Разъ Филина я спасъ; ты не слыхалъ объ этомъ?

Филинъ.

Хо-хо-хо-хо! Тотъ Филинъ былъ мой сынъ.
Его всѣ мучили, ты защитилъ одинъ.
Коль это такъ, я твой слуга на вѣки.
(Въ сторону).

Я зналъ всегда, что есть добро и въ человѣкѣ.
(Къ Борику).

Пойдемъ, пленецъ, тебя я выведу изъ лѣса.

Борикъ.

Смотри, туманъ встаетъ, какъ мутная завѣса.
Мнѣ изъ тумана слышны голоса.
Порой въ ночномъ лѣсу творятся чудеса!

ЯВЛЕНИЕ Ш.

(Входятъ Еловая и Сосновая Шишки. Они ведутъ плачущую Земляничку).

Еловая Шишка.

Шишка, стой! Куда те носить?
Отдохнуть царевна просить.

Сосновая Шишка.

Ну, чего тамъ отдыхать!
Червяку скорѣй бы сдаться.
За нее насъ ждетъ награда,
Это все, чего намъ надо.

Земляничка.

(Замѣчаетъ Филина и бросается къ нему).

Филинъ милый, помоги!
Въ плѣнъ меня бродяги взяли,
Червяки, мои враги,
Этихъ страшныхъ подослали.

Филинъ.

Эй вы, Шишки, прочь отсюда,
А не то вамъ будетъ худо!
Я бродягамъ не спущу:
Клювъ и когти въ ходъ пушу.

Еловая Шишка.

Царевна къ жениху охотою пошла,
Не суйся, Филинъ, не въ свои дѣла.

Земляничка (къ Борикъ).

Звѣрокъ невѣдомый, меня ты за-
щити,
И я пошлю цвѣтовъ, и мховъ,
И лучшихъ Ягодъ, и Грибовъ,
Чтобъ на твоёмъ росли пути.
(Борикъ направляется къ Шишкамъ).

Сосновая Шишка.

Вотъ, попробуй, сунься къ намъ,
Волю дай своимъ рукамъ:
Ужъ покажемъ мы себя,
Въ кровь царапая тебя.

Еловая Шишка.

Борикъ.

Убирайтесь—вотъ весь сказъ.
Стану я бояться Шишекъ!
Въ дракъ побѣждалъ не разъ

Я совсѣмъ большихъ мальчишекъ.
Стоить мнѣ пихнуть ногой,—
Полетятъ тотъ и другой.

(Пихаетъ Шишекъ ногой. Они валятся).

Борикъ.

Ты видишь, дѣвочка, наказаны бродяги.
Не много силы въ нихъ, да мало и отваги.

Филинъ.

Припугнулъ васъ, наконецъ,
Человѣческой птенецъ.

Земляничка.

(Разглядывая Борика).

Онъ человѣкъ? А волосы, какъ рожь.
Глаза—два озера глубокія лѣсныя.
Онъ ласковый, какъ мохъ, на злого не
похожъ,

А няня говоритъ, что люди очень злые.

Филинъ.

Бываютъ разные, и этотъ, вотъ, птенецъ
Совсѣмъ на свой особый образецъ
(Къ Шишкамъ).

Вы наказаны вполне,
А не то вступилъ бы въ стычку.
Вы отвѣтили бы мнѣ
За царевну Земляничку!

Царевна Земляничка.

Борикъ.

Что ты сказалъ? Вотъ чудеса!
Такъ вотъ, о комъ мнѣ пѣли голоса.

Сосновая Шишка.

Не хочу въ грязи лежать,
Надоѣли мнѣ дороги,
Гдѣ, какъ соръ, ни дать, ни взять,
Топчуть насъ колеса, ноги.

Еловая Шишка.

Я хочу подняться вновь,
Я хочу житья иного.
Зналъ я ласку и любовь
Солнца золотого!

Борикъ.

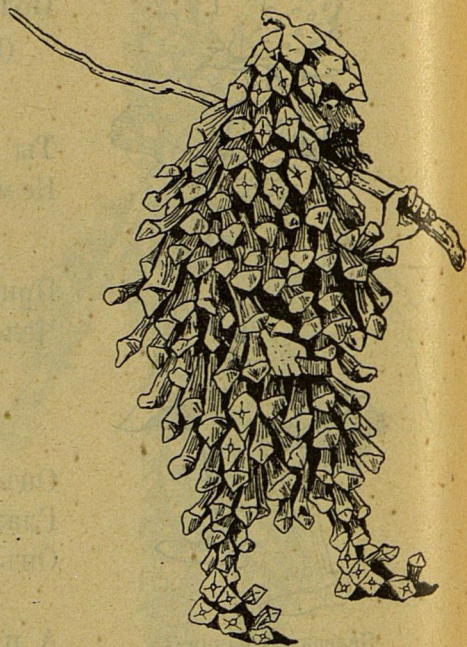
Я съ собой ихъ захвачу,
Здѣсь отъ нихъ не будетъ толку.
Дома ихъ позолочу
И повѣшу ихъ на елку.

(Къ Шишкамъ).

Ну, я встать вамъ помогу.
Станутъ вами любоваться,
Если елку я зажгу,
И начнете вы качаться.

Земляничка.

Мы простили ихъ, за что жъ
Ты ихъ съ елкою сожжешь?

Сосновая Шишка.

Борикъ.

Ты меня не поняла:
Не хочу имъ вовсе зла.
Любишь ты родной свой ельникъ,
Но людей еще не знала
И навѣрное въ сочельникъ
Нашей елки не видала.

Земляничка.

Во дворецъ идемте къ намъ.
Вѣрно тамъ меня хватились
И по кочкамъ, и по пнямъ
Побѣжали, покатались.

Филинъ.

Хо-хо-хо-хо! Пора итти.

Борикъ.

Про елку раскажу въ пути.
(Уходятъ).

Дѣйствіе III.

Та же декорация, что въ первомъ дѣйствіи. Утро.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Слѣва входятъ Земляничка, Борикъ, Филинъ и Шишки. Справа вбѣгаютъ Малина и Мухоморъ).

Малина.

Земляничка, свѣтикъ, ты?
Мы вездѣ тебя искали.

Прошлогодніе листы
Всю то ночь перетряхали.
(Обнимаетъ дочь).

Мухоморъ.

Дочка милая, жива?
Это милость къ намъ Господня!
Закружилась голова:
Я всю ночь не спалъ сегодня.
Самъ тебя ходилъ, искалъ.
Это кто?

Земляничка.

Отецъ мой милый,
(Указывая на Шишекъ).
Этихъ двухъ Червякъ послалъ,
Чтобъ меня похитить силой.
(Указывая на Филина и Борика).
Эти два спасли меня.
Двумъ бродягамъ мы простили
И съ сегодняшняго дня
Всѣ другъ друга полюбили.

Мухоморъ.

Это Филинъ нашъ лѣсной,
А безъ крыльевъ кто двуногій?

Земляничка (Беретъ за руку Борика).

Подойдемъ къ отцу со мной,
Онъ совѣмъ, совѣмъ не строгій.
(Подводитъ Борика къ своимъ родителямъ).
Ты послушай, царь-отецъ,

Ты пойми, моя родная,
Съ Червякомъ, вѣдь, подъ вѣнецъ
Никогда бы не пошла я.

(Указывая на Борика).

Онъ меня изъ плѣна спасъ
Отъ царевича лихого.
Пусть останется у насъ:
Съ нимъ вѣнчаться я готова.

Костеничка.

Мухоморъ.

Нѣтъ, дитя, мы всё ему
Благодарность выражаемъ,
Только намъ онъ ни къ чему:
Человѣка мы не знаемъ.
Можетъ быть, въ немъ есть и умъ,
Можетъ быть, умнѣй онъ многихъ,
Но не знаетъ нашихъ думъ
И всей жизни одноногихъ.
Кто тебѣ опредѣлень,
Забрести не могъ случайно
И, въ тиши лѣсной рождень,
Долженъ знать лѣсныя тайны.

Земляничка.

Но съ сегодняшняго дня
Я ничьей женой не буду.

Борикъ.

И всегда люби меня,
Я тебя не позабуду.

ЯВЛЕНИЕ П.

(Вбѣгаетъ Волнушка, приближается къ Шишкамъ и грозитъ имъ палочкой).

Волнушка.

Ахти страсти, грѣхъ какой!

Ахъ ты, Господи помилуй!

Приласкаю васъ клюкой:

Увели царевну силой!

(Къ Борику).

Это ты ее намъ спась,

Мой красавецъ ясноокій,

Такъ прими отъ всѣхъ отъ насъ

Ты земной поклонъ глубокий.

(Кланяется до земли).

Малина.

(Къ Борику).

Жизнь мою ты возвратилъ:

Мнѣ,— что дочь, что жизнь—едино,

И чего бъ ты не просилъ,

Все отдасть тебѣ Малина.

Брусничка.

Онъ сдѣлалъ счастливыми насъ:

Царевну, царевну онъ спасъ.

Филинъ.

Не случайно онъ забрелъ

Въ Грибноягодныя страны

И царевну вамъ нашель,

Въ ночь идя черезъ туманы.

Знаю я его давно:
Онъ мнѣ сына спасъ отъ смерти,
И судьбой ему дано
Тайны лѣса знать, повѣрьте.
Этотъ птенчикъ лѣсъ родной
Чистымъ сердцемъ любить,
Тонконожки ни одной
Даромъ не загубить.
Мухомора за красу
Очень уважаетъ,
Не обидить и Осу:
Пусть себѣ летаетъ!
Долженъ Ягодъ и Грибовъ
Изучить онъ поколѣнья.
Въ немъ для васъ отъ Червяковъ
Будетъ лучшее спасенье.
Если онъ ростокъ любви
Сохранить въ душѣ безгнѣвной,
Черезъ восемь лѣтъ зови
И вѣнчай его съ царевой.

Брусничка.

Головкой качаемъ,

Черничка.

Листочками машемъ,

Костеничка.

Его выбираемъ

Всѣ вмѣстѣ.

Царевичемъ нашимъ.

Боровикъ.

Царевичемъ нашимъ

Березовикъ.

Его выбираемъ,

Осиновикъ.

Грибнымъ всѣмъ народомъ,

Груздь.

Всѣмъ Ягоднымъ краемъ.

Мухоморъ.

Я согласенъ. Приходи,

Человѣческій птенецъ.

Въ Мухоморовой груди

Сердце есть: вѣдь, я отецъ.

Шипки.

(Пляшутъ и поютъ).

Я—Шипка Еловая,

Я—Шипка Сосновая.

Злой вѣтеръ стяхнулъ насъ съ

вѣтвей.

Мы всюду валялись,

Съ кѣмъ только не знались,

Но жизнь мы измѣнимъ, ей-ей!

Возьметъ человѣчекъ,

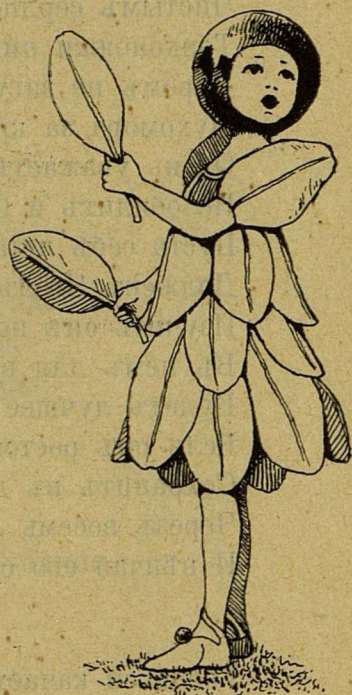
Налѣптитъ онъ свѣчекъ

На елку и ярко зажжетъ.

Блестящія нити

Онъ спуститъ,—глядите:

Какъ будто бы дождикъ идетъ.

Брусничка.

А насъ—въ позолоту.
Окончивъ работу,
Привяжетъ насъ къ колкимъ вѣтвямъ.
Мы будемъ качаться,
Намъ будетъ казаться,
Что лѣсъ улыбается намъ.

Малина.

(Борику).

Лѣта минетъ половина,
И тогда въ овражьей чашѣ
Укажу я, гдѣ малина
И крупнѣй растеть и слаще.

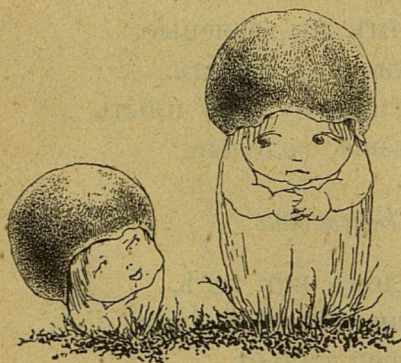
Боровикъ.

Если любишь нашъ народъ,
Будешь гнуть не даромъ спину:
Я пошлю къ тебѣ впередъ
Сыновей, внучатъ въ корзину.

Не боюсь ножа, огня:
Лучше жариться, солиться,
Чѣмъ, проживъ въ лѣсу три дня,
Вдругъ раскиснуть и свалиться.

Осиновикъ.

Чтобъ ты легче могъ найти,
Шапку красную надѣну,
На лѣсномъ твоёмъ пути
Ставши все́мъ грибамъ на
смѣну.

Осиновикъ.

Брусничка.

Если зря не будешь мять
Листики брусничные,
Научу тебя собирать
Ягоды различныя.

Черничка.

Вдоль тропинокъ и дорогъ
Буду ждать тебя, чернѣя,
И черничный твой пирогъ
Будетъ всѣхъ всегда вкуснѣе.

Груздь.

Мы готовы, Грузди смѣлые,
Для тебя снять шапки бѣлыя

Груздь.

И попасть въ разсолъ.
Будемъ долго въ немъ купаться,
Будемъ въ цвѣтѣ измѣняться,
Насъ дадутъ на столъ.
Столъ украсимъ мы, зеленые,
Станутъ гости насъ ловить,
Изъ подъ вилкокъ будемъ плыть,
Грузди скользкіе, соленые.

Березовикъ.

Друзьями будемъ всѣ тебѣ,
Узнаешь наши всѣ привычки,
Самъ помогай своей судьбѣ
И стань достоинъ Землянички.

Черничка.

Мухоморъ.

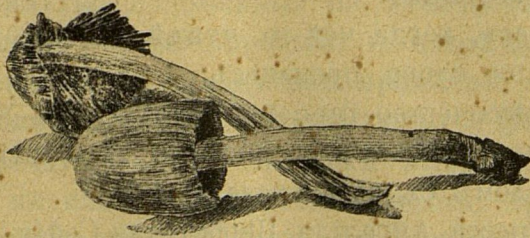
Ты любишь лѣсъ, и съ этихъ поръ
Пусть „Боръ“ твоею будетъ кличкой.

Всѣ.

Да здравствуетъ царевичъ Боръ
Съ царевной Земляничкой!

(Занавѣсъ).

П. Соловьева.

Цербетская принцесса.

(Продолженіе).

ВСѢ родственники собрались въ кабинетъ принца Адольфа, куда должны были привести маленькаго герцога.

Фигхенъ была со всѣми. Она чинно сидѣла между матерью и бабушкой и не спускала глазъ съ дверей, а когда въ коридоръ послышались шаги, звяканье шпоръ и бряцанье сабель, она такъ взволновалась, что въ первую минуту плохо различала вошедшихъ.

Опомнилась, когда чей-то чужой голосъ, громко и отчетливая каждое слово, произнесъ:

— Его высочество герцогъ Карлъ-Петръ-Ульрихъ.

А бабушка Фигхенъ, герцогиня Альбертина-Фредерика, сидѣвшая рядомъ съ нею, сказала:

— Принцесса Ангальтъ-Цербетская Софія-Августа-Фредерика.

Герцогъ и принцесса обмѣнялись церемонными поклонами. Фигхенъ сдѣлала реверансъ. Часъ тому назадъ мать прорепетировала его съ дѣвочкой у себя въ комнатѣ. Только, присѣдая, Фигхенъ даже слегка не наклонила головы, какъ это полагалось, потому что во всѣ глаза смотрѣла на Петра-Ульриха.

„Какой маленькій! Ниже меня, а на мальчика совсѣмъ не похожъ. Просто офицеръ маленькаго роста. Парикъ на головѣ!“

Глаза Фигхенъ раскрывались все шире отъ удивленія и недоумѣнія: Петръ-Ульрихъ въ военномъ мундирѣ, — покойный отецъ далъ ему чинъ лейтенанта, когда сыну исполнилось девять лѣтъ, — производилъ странное впечатлѣніе. Мундиръ

казался слишкомъ грубымъ и тяжелымъ для маленькаго тщедушнаго тѣла. Шея и руки рядомъ съ толстымъ сукномъ воротника и обшлаговъ были такія слабыя, худыя. Голова отъ парика представлялась черезчуръ большой, а лицо маленькимъ. И на этомъ маленькомъ блѣдномъ лицѣ странно выдавались большіе выпуклые глаза съ выраженіемъ усталости и какой-то запуганности.

Когда глаза эти встрѣтились съ любопытными, спрашивающими глазами Фигхень, въ нихъ точно засвѣтилось что-то другое. Но воспитатель, оберъ-гофмаршалъ фонъ Брюммеръ, нашель, что минуты, положенныя на знакомство герцога съ маленькой принцессой, уже прошли, и поспѣшилъ подвести своего воспитанника къ одному изъ принцевъ.

Фигхень смотрѣла вслѣдъ удалявшемуся Петру-Ульриху. Никогда она не думала, что это такъ выйдетъ. Ей не пришлось сказать ни слова своему голштинскому брату.

Оставалась еще надежда, что удастся поговорить съ нимъ послѣ конца церемоніи, когда взрослые, какъ это всегда бываетъ, займутся своими разговорами.

Но этого не случилось.

Фонъ-Брюммеръ объявилъ, что, по распisanію, его высочество долженъ немедленно заняться шведскимъ языкомъ. Новый опекунъ, епископъ Любскій, попробоваль возразить. Ему казалось, что въ Эйтинѣ его высочество могли бы освободить отъ уроковъ, но Брюммеръ объявилъ, что это невозможно.

— Со шведскимъ языкомъ приходится поторопиться въ виду того, что своевременно на него не обратили должнаго вниманія. Изучали только русскій языкъ. Теперь, вслѣдствие измѣнившихся обстоятельствъ, русскій языкъ совершенно отставленъ, но его высочество, къ сожалѣнію, не отличается прилежаніемъ, и потому никакихъ отступленій въ его занятіяхъ не можетъ быть.

Фигхенъ видѣла, какъ Петръ-Ульрихъ весь вспыхнулъ, видѣла, какими злыми глазами онъ посмотрѣлъ на своего воспитателя, а потомъ перевелъ ихъ на Фигхенъ.

Недоставало, чтобы ему дѣлали выговоры передъ дѣвочками!

Всѣмъ въ комнатѣ стало какъ-то неловко. Спасла положеніе веселая и находчивая Юганна-Елизавета.

— Вы, конечно, не сомнѣваетесь, ваше высочество, что мы всѣ крайне сожалѣемъ, что на нѣкоторое время лишимся вашего общества, но что же дѣлать. У царственныхъ особъ свои обязанности. Намъ приходится только подчиняться и пожелать, чтобы вы поскорѣй вернулись къ намъ.

Голосъ Юганны-Елизаветы звучалъ, какъ музыка, улыбка ея была очаровательна, сама Юганна-Елизавета—прекрасна и говорила она съ Петромъ-Ульрихомъ такъ, что онъ сразу забылъ, что онъ мальчикъ, котораго строгій воспитатель посылаетъ на скучный урокъ. Онъ почувствовалъ себя взрослымъ, вспомнилъ, что онъ „высочество“ и поспѣшилъ придать себѣ подходящий видъ. Обведя всѣхъ присутствующихъ спокойнымъ взглядомъ, онъ наклонилъ голову въ знакъ прощальнаго привѣта и, вздернувъ плечи, быстро и увѣренно направился къ дверямъ. Брюмеръ и четыре камеръ-юнкера не ожидали такого быстрого и благополучнаго конца и, очутившись позади Петра-Ульриха, должны были только послѣдовать за герцогомъ, какъ это и полагалось свитѣ.

А тѣ, кто оставался въ кабинетѣ, смотрѣли имъ вельдѣ и улыбались. Всѣ, кромѣ Фигхенъ.

Она вспомнила свою Бабетъ. Брюмеръ показался ей злымъ. Она не сомнѣвалась, что голштинскому брату живется плохо съ такимъ воспитателемъ.

Въ Эйтинѣ Фигхенъ пробыла нѣсколько дней.

Съ Петромъ-Ульрихомъ она видѣлась за обѣдомъ и вечерами въ присутствіи старшихъ. За обѣдомъ она сидѣла далеко отъ него, на другомъ концѣ стола, между принцами-дядями; Петръ-Ульрихъ — рядомъ со своимъ воспитателемъ. Брюмеръ, какъ всегда, не спускалъ глазъ со своего воспитанника, говорилъ ему, какихъ кушаній слѣдуетъ ѣсть больше, какихъ меньше. И всѣ его совѣты, какъ всегда, не совпадали со вкусами мальчика, и раздражали его. Петръ-Ульрихъ глазъ не спускалъ съ Фигхенъ.

Дѣтей ему почти не случалось видѣть. Только на уроки танцевъ приводили къ нему дочь одной придворной дамы, пугливую, бѣлокурую и очень молчаливую дѣвочку. Когда эту дѣвочку какъ-то посадили съ нимъ обѣдать, онъ былъ пораженъ, до чего мало она ѣла. Петръ-Ульрихъ тогда же рѣшилъ, что всѣ дѣвочки почти не ѣдятъ, почти не говорятъ, а только пугаются. Фигхенъ, прежде всего, поразила его тѣмъ, что была совсѣмъ не похожа на дѣвочку. Ничего не пугалась и прямо смотрѣла на всѣхъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда передъ ней была тарелка съ чѣмъ-нибудь вкуснымъ. Тутъ ужъ она ни на кого не смотрѣла, а только кушала. И какъ кушала! Она ужасно любила сладкое. Это осталось у нея еще съ того времени, когда первая Кардель закармливала ее леденцами и сахаромъ. Епископъ Любскій любилъ покушать. Такихъ вкусныхъ сладкихъ, какія подавались у него за столомъ, Фигхенъ еще не случалось пробовать. Бѣда была въ томъ, что и до сладкаго все было тоже очень вкусное, и для пирожнаго, какъ ни старалась Фигхенъ, мѣста оставалось очень мало.

Но дѣвочка отлично устроилась.

Сладкое всетаки было самое вкусное, и она пропускала всѣ, менѣе любимыя, блюда, начиная съ супа, чтобы оставить мѣсто для пирожнаго. Слуги, разносившіе кушанье, любили

веселую, со всѣми привѣтливую дѣвочку и подносили ей по нѣскольку разъ. Фигхенъ иногда такъ наѣдалась, что ей даже дышать становилось трудно.

Одиннадцатилѣтній лейтенантъ, глядя на Фигхенъ, забывалъ, что онъ лейтенантъ, что его, какъ взрослога, посадили рядомъ съ дамой, и также тянулся за пирожнымъ. Но Брюммеръ зорко слѣдилъ за своимъ воспитанникомъ. Движеніемъ руки онъ всегда во время успѣвалъ отослать назадъ соблазнительное блюдо, которое предупредительный слуга уже подавалъ мальчику. И Петръ-Ульрихъ старался сдѣлать равнодушное лицо. Не могъ же лейтенантъ заводить исторіи изъ за какихъ то пустяковъ, да еще когда рядомъ съ нимъ сидѣла прекрасная дама Юганна-Елизавета.

Обѣдъ кончился. Петръ-Ульрихъ стоялъ у раскрытаго окна. На другомъ концѣ зала столпились всѣ взрослые и о чемъ-то оживленно говорили между собой. О дѣтяхъ забыли. Фигхенъ воспользовалась тѣмъ, что Петръ-Ульрихъ одинъ, и рѣшила поговорить съ нимъ. Подошла къ окну.

— Вы, конечно, сейчасъ же отошлете вашего Брюммера, какъ только сдѣлаетесь королемъ?

Петръ-Ульрихъ вздрогнулъ отъ неожиданности и покоился въ сторону старшихъ.

— Туда не слышно, — успокоила его Фигхенъ. — Но всего лучше вотъ такъ. — Она придвинула стулъ къ окну, сѣла на него и облокотилась на подоконникъ.

— Садитесь и вы рядомъ, будетъ такъ, точно мы смотримъ въ садъ.

Мальчикъ сдѣлалъ, какъ она хотѣла.

Такъ сидѣли они вдвоемъ у раскрытаго окна.

Уже совсѣмъ стемнѣло, но не было видно звѣздъ на небѣ: ихъ закрывала туча.

— Слышите, какъ пахнетъ зеленью?—спросила Фигхень и высунулась изъ окна, вдыхая прохладный воздухъ.— Здѣсь садъ гораздо хуже, чѣмъ у насъ въ Дорнбургѣ, но всетаки ничего. Есть, гдѣ побѣгать. Сегодня я нарвала цѣлый букетъ ландышей. Ужасно я люблю ихъ рвать. Такіе сочные и такъ чмокають, когда вытаскиваешь стебелекъ. Пойдемте завтра утромъ. Я мѣсто такое присмотрѣла, гдѣ много ихъ должно распуститься.

— Не знаю, возможно ли это будетъ для меня. Боюсь, что нѣтъ. У меня такъ распредѣленъ день...

— А я здѣсь дѣлаю все, что хочу, — перебила его Фигхень.— И знаете, это чудесно. Я очень люблю мою гувернантку. Она милая, совсѣмъ не похожа на вашего злого Брюммера, но безъ нея мнѣ свободнѣе. Идешь, куда вздумается, ѣшь, что понравится.

— Я вижу, какъ вы налегаете на пирожное...

— Оно здѣсь превкусное,—чуть-чуть смутилась Фигхень.— А какой чудесный молочный супъ ѣдятъ горничныя!

— Молочный супъ! Это вкусно,—оживился Петръ Ульрихъ.

— Да, я какъ-то попала къ нимъ какъ разъ на супъ. Бѣгала, бѣгала по замку и очутилась въ комнатѣ, гдѣ они ѣли. Ужасно вкусно!

— Вы попробовали?

— Цѣлую большую тарелку съѣла. Это было передъ обѣдомъ. Я была голодна, какъ волкъ. Теперь я каждый день, да еще по два раза, бѣгаю за супомъ. Иногда даже сама варю его съ дѣвчушками. Это еще вкуснѣе.

— Ну, еще бы!—согласился Петръ-Ульрихъ.

— Вотъ, завтра, прямо изъ сада, я васъ проведу въ дѣвичью такъ, что вашъ Брюмеръ и не узнаетъ.

Петръ-Ульрихъ только вздохнулъ.

— Его не проведешь, — сказалъ онъ. — Онъ такой злой, такой злой, что ужасъ. Здѣсь въ Эйтинѣ еще ничего. Онъ боится опекуна, а въ Килѣ я часто сижу безъ обѣда. Поставятъ на колѣни и смотри, какъ другіе ѣдятъ.

— О, Господи! — вырвалось у Фигхенъ.

— А еще онъ недавно велѣлъ завѣсить окошки въ моей комнатѣ и въ класной, потому что я во-время урока подбѣжалъ къ окну посмотрѣть на солдатъ. Ужасно я люблю, когда они проходятъ подь музыку, — вдругъ, весь оживившись, сказалъ Петръ-Ульрихъ. — Просто на мѣстѣ не могу сидѣть, когда услышу, что они идутъ. А вы — любите?

Фигхенъ какъ-то никогда не думала о томъ, любить ли солдатъ или нѣтъ, и потому отвѣтила не сразу.

— Другое я люблю гораздо больше. Люблю очень бѣгать, кормить птицъ, люблю слушать, когда Бабетъ громко читаетъ.

— Ну, это страшная скука, когда читаютъ. Только немного получше уроковъ шведскаго языка. Ужасно трудный языкъ. А русскій еще труднѣе. Я думалъ, что языкъ себѣ сломаю, иныхъ словъ — просто не выговоришь.

— А все же вы счастливый! Будете королемъ. Вотъ, я ужъ никогда, навѣрное, не буду королевой, — печально сказала Фигхенъ.

— Ахъ, я такъ былъ радъ, когда оказалось, что не надо ѣхать въ Московію. Далеко она, и тамъ такъ холодно, и она такая огромная. Мнѣ и въ Швецію не очень хочется.

— Королемъ не хочется быть? — Фигхенъ даже руками всплеснула отъ изумленія.

— Мнѣ не хочется оставлять мою Голштинію, ее я люблю больше всего на свѣтѣ.

— А я за своимъ королевствомъ поѣхала бы куда угодно, выучилась бы какому угодно языку, если бы это было нужно...

Голосъ Фигхенъ оборвался. Въ окно неожиданно сверкнула молнія, раздался громовый ударъ.

Петръ-Ульрихъ задрожалъ и уткнулся головой въ драпировку окна.

— Кончилось? — шепотомъ спросилъ онъ, боязливо приподнявъ голову.

— А развѣ вы боитесь?

— Нѣтъ, не боюсь, — нерѣшительно и запинаясь, отвѣтили Петръ-Ульрихъ, ужасно трусившій грозы.

-- Ну, тогда давайте смотрѣть вмѣстѣ, — обрадовалась Фигхенъ. — Только глаза не закрывайте. Вотъ, сейчасъ будетъ опять молнія. Точно огненный мечъ на небѣ.

Но этого Петръ-Ульрихъ уже былъ не въ силахъ выдержать, какъ ни старался. При первомъ блескѣ молніи онъ съ такимъ крикомъ уткнулся въ драпировку, что всѣ, бывшіе на другомъ концѣ комнаты, бросились со своихъ мѣстъ и подбѣжали къ дѣтямъ.

— Что такое? Что случилось? — раздались испуганные голоса.

— Ничего особеннаго. Его высочество, какъ всегда, струсилъ грозы, — отчеканилъ на весь залъ Брюмеръ.

Лицо Петра-Ульриха покрылось красными пятнами, онъ хотѣлъ что-то возразить трясущимися губами, но въ эту минуту опять засверкала молнія и онъ, заткнувъ пальцами уши, со всѣхъ ногъ бросился изъ зала.

„Послѣ грозы ландышей распухнетъ пропасть, мечтала Фигхенъ, засыпая подъ шумъ проливного дождя. „Странный онъ! И чего такъ убѣжалъ? Неужели испугался грозы? Я — дѣвочка, и не боюсь, а онъ, вѣдь, мальчикъ, и будетъ королемъ. Завтра обо всемъ его спрошу, когда пойдемъ въ садъ, а потомъ я угощу его молочнымъ супомъ“.

Но ничего этого не случилось.

Съ утра стало извѣстно, что Петра-Ульриха увозятъ обратно въ Киль. И опять, какъ и при первой встрѣчѣ, его привели въ кабинетъ принца Адольфа, и онъ церемонно раскланялся со всѣми. А за нимъ по пятамъ, не оставляя его ни на одну минуту, слѣдовали его камергеры. И только въ послѣднюю минуту, когда спина Брюммера совсѣмъ заслонила маленькаго лейтенанта, Фигхенъ не выдержала и крикнула:

— До свиданія!

А маленькій лейтенантъ повернулся и кивнулъ ей головой.

На другой день и Фигхенъ уѣхала вмѣстѣ со всѣми въ Гамбургъ, а оттуда вмѣстѣ съ матерью въ Дорнбургъ.

— Твоя Фигхенъ сдѣлалась совсѣмъ взрослой,—сказала Юганнѣ-Елизаветѣ, прощаясь съ ними, вдовствующая герцогиня Альбертина-Фредерика. — Она держитъ себя прекрасно. Бабушка сидѣла далеко отъ Фигхенъ за столомъ епископа Любскаго и про пирожное ничего не знала.—Я совѣтую тебѣ съ будущей зимы приучать ее къ обществу. Свези ее въ Брауншвейгъ на карнавалъ.

— Но мнѣ не хотѣлось бы показывать ее чужимъ людямъ, пока она кривобокая,—отвѣтила Юганна-Елизавета.

— Это почти незамѣтно. Съ той поры, какъ ты сняла съ нея повязку...

— Я—сняла повязку?—взволновалась Юганна-Елизавета, не замѣчавшая, что у Фигхенъ нѣтъ больше черной повязки. Дѣвочка стащила ее, какъ только попала въ Эйтинъ. — Гдѣ твоя повязка, Фигхенъ?

Но тутъ ужъ бабушка вступилась за внучку:

— Совсѣмъ не нужно безобразной черной повязки. Я увѣрена, что и корсетъ скоро докторъ сниметъ. Фигхенъ совсѣмъ прямая.

И, дѣйствительно, осенью докторъ, тщательно осмотрѣвъ Фигхенъ, объявилъ, что кривизны больше не замѣтно.

— Я говорила, я говорила,— торжествовала Кайнъ.— Ребенокъ, рожденный въ праздникъ... Развѣ съ нимъ можетъ случиться что-нибудь дурное!

XV.

Вся страна радовалась и веселилась.

Вмѣсто суроваго, грубаго, скупого и въ послѣднее время даже крайне жестокаго короля Фридриха-Вильгельма—на престолѣ былъ его сынъ, жизнерадостный, всегда веселый и со всѣми привѣтливый молодой король. Онъ сразу приблизилъ къ себѣ ученыхъ, писателей, поэтовъ и художниковъ, то-есть именно тѣхъ людей, которыхъ избѣгаль его отецъ, заботился о театрѣ, устраивалъ концерты, на которыхъ самъ игралъ на флейтѣ. Народъ, жившій точно подъ тучей при его покойномъ отцѣ, встрепенулся, почувявъ новую жизнь. Молодой король былъ точно солнце. Послѣ долгаго гнета всѣ радовались, что могутъ дышать свободно и веселились безъ конца. Празднества слѣдовали за празднествами. Имя молодого короля повторялось съ восторгомъ по всей странѣ. И въ этомъ восторгѣ было не одно увлеченіе свободной и веселой жизнью: народъ чувялъ, что въ ихъ молодомъ королѣ есть все, чтобы прославить страну и съ первыхъ дней царствованія называлъ новаго Фридриха-Вильгельма „Великимъ“. Это предчувствіе славы придавало особенную торжественность и ликование всѣмъ празднествамъ въ Берлинѣ.

Въ подражаніе Берлину и другіе владѣтели разныхъ герцоговъ, графствъ и маркграфствъ тоже стали устраивать у себя всевозможныя празднества, но затмить Брауншвейгскій

дворъ никому не удалось. Онъ, какъ и всегда, оказался впереди всѣхъ.

До такой, чисто французской роскоши, какая уже давно процвѣтала въ Брауншвейгѣ, даже Берлинъ еще не успѣлъ дойти. Французы, которыхъ всегда было множество при Брауншвейгскомъ дворѣ, говорили, что въ Брауншвейгѣ все до такой степени французское, что имъ кажется, точно они и не уѣзжали изъ своего отечества.

И такого карнавала, какой устроили въ Брауншвейгѣ, когда кончился трауръ по Фридрихъ-Вильгельмѣ, тоже еще не бывало.

Больше мѣсяца жила тамъ Фигхенъ съ матерью у крестной и воспитательницы Юанны-Елизаветы, вдовствующей герцогини Елизаветы-Софїи-Марїи Брауншвейгъ-Люнебургской, рожденной принцессы Голштинской.

Сбылось то, о чемъ мечтала Фикке, когда была еще совсѣмъ маленькой. Наконецъ то, жила она въ настоящемъ замкѣ, украшенномъ драгоценностями, которыя собирались вѣнками. Здѣсь были и статуи, и картины изъ Италїи, и зеркала, вывезенныя владѣтелями Брауншвейга изъ Венеціи; были и гобелены¹⁾, и великолѣпные ковры, и цѣлое войско слугъ въ золотыхъ галунахъ, и разодѣтые въ шелкъ и бархатъ пажы. За обѣдомъ, подъ звуки итальянскаго оркестра, подавались двѣ смѣны кушаньевъ по тридцать два блюда въ каждой. Каждый вечеръ замокъ сіялъ огнями, и до поздней ночи тамъ гремѣла музыка. Почти безостановочно звонилъ колоколъ, привѣтствуя все прибывавшихъ гостей.

¹⁾ Гобеленами называются ковры ручной работы, на которыхъ разноцвѣтными шерстями и шелками вытканы картины извѣстныхъ художниковъ. Свое названіе гобелены получили отъ старинной фамиліи того семейства, которое впервые начало выдѣлывать во Франціи эти ковры.

На подъемномъ мосту ихъ встрѣчалъ канцлеръ съ камергерами, пажами и верховыми въ сопровожденіи двухъ герольдовъ съ развѣвающимися знаменами. Гайдуки расчищали дорогу черезъ толпу разодѣтымъ въ шелкъ и бархатъ кавалерамъ и дамамъ. У подъѣзда стояли драбанты (почетная стража) съ зажженными факелами.

На широкой мраморной лѣстницѣ, устланной коврами и уставленной растеніями, гостей принималъ самъ владѣтельный герцогъ въ атласномъ камзолѣ, въ бархатныхъ бѣлыхъ короткихъ панталонахъ, въ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ пряжками. Ярче свѣчей сіяли брилліантовые пуговицы на его груди и драгоценные камни на его перстняхъ и на пряжкахъ у башмаковъ.

И гости были подходящіе къ хозяину. На всѣхъ—шелкъ, бархатъ, перья и цѣлые потоки драгоценныхъ камней. Напудренные прически дамъ напоминали башни и увеличивали ростъ. Увеличивали ростъ и подпорки подъ пяткой атласныхъ и бархатныхъ башмаковъ. Юбки изъ тяжелой матеріи, да еще на фижмахъ, стояли вокругъ дамъ, точно боченки, и ширина ихъ дѣлала туго затянутыя талии еще тоньше. Кавалеры, чтобы не казаться карликами въ обществѣ своихъ, разодѣтыхъ по бальному, дамъ, тоже надѣвали на голову огромные парики.

И такъ шло изо дня въ день. Фейерверки, карусели, итальянскія и французскія комедіи, оперы, балы, охоты, пѣшіе и конные турниры, скачки—все это слѣдовало одно за другимъ.

На первомъ балу Фигхенъ точно ослѣпла отъ никогда невиданнаго ею блеска и великолѣпія. Забилась въ одну изъ просторныхъ оконныхъ нишъ, уставленныхъ цвѣтушими кактусами и другими тропическими растеніями, да такъ и

осталась тамъ до конца вечера. Не рѣшилась выйти: такимъ вдругъ неподходящимъ показалось ей ея голубое платье на очень маленькихъ фижахъ. И прической своей Фикке тоже была недовольна. Кайнъ чуть-чуть выше, чѣмъ обыкновенно, зачесала ей волосы спереди, а сзади спустила локонами, завязала ихъ бѣлой лентой въ видѣ лисьяго хвоста и приколотла къ нимъ одну только розу съ бутонами и листьями. Фигхенъ, пока ее наряжали, нравилось все: и брыжки изъ бѣлаго газа и рукавички изъ того же газа. И роза казалась ей до неузнаваемости похожей на настоящую. Но, когда она увидѣла наряды другихъ дамъ, ея скромное платье совѣмъ перестало ей нравиться. Смутили ее и шлейфы. Она видѣла съ какой осторожностью пробирались по залу кавалеры и пажы и ей представилось, что она, какъ только выйдетъ изъ своей засады, непременно сейчасъ же залутается въ этихъ бархатныхъ, шелковыхъ, парчевыхъ, расшитыхъ золотомъ и серебромъ хвостахъ.

А манти! Наконецъ то, видѣла Фикке настоящія манти. У вдовствующей герцогини поверхъ золотого платья была мантия изъ драгоцѣннаго ярко-краснаго бархата, а края ея и шлейфъ были опушены широкой горностаевой каймой. А у другой герцогини, гостыи, семидесятилѣтней красавицы, которой приходились сродни почти всѣ короли и королевы Европы, а одна изъ дочерей была замужемъ за сыномъ Петра Великаго, мантия была изъ бѣлаго бархата и вся расшита золотомъ. У вдовствующей королевы прусской тоже бѣлая бархатная мантия, только съ серебромъ. И, когда эти герцогини сидѣли на золоченыхъ креслахъ, полуприкрытыхъ спущенными знаменами, а ихъ ноги покоились на бѣлыхъ расшитыхъ золотомъ подушкахъ, положенныхъ на драгоцѣнномъ пунцовомъ коврѣ, Фикке смотрѣла только на нихъ.

Вотъ гдѣ она хотѣла бы сидѣть! Всѣхъ выше, на золоченомъ креслѣ. И непременно въ драгоцѣнной мантии. И чтобы шлейфъ былъ, какъ только возможно, длиннѣе.

Юганна - Елизавета слѣдила, что бы ея дочь не забивалась въ углы, и Фикке постепенно привыкла къ шумной толпѣ, перестала скрываться по нишамъ и благополучно танцевала аллеманды, менуэты и контредансы. Только разъ она перепутала фигуры. Заглядѣлась на герцога, когда онъ, въ разгарѣ бала, подошелъ къ окну, чтобы показаться собравшемуся возлѣ замка народу. Онъ стоялъ въ своемъ огромномъ парикѣ съ гордо откинутой головой, а камергеры освѣщали его позади свѣчами.

Юганна - Елизавета потомъ бранила Фикке. Она и вообще была не совсѣмъ довольна дочерью и часто дѣлала ей замѣчанія, иногда даже совсѣмъ незаслуженныя. И все это было оттого, что Фигхенъ мало удовлетворяла самолюбіе матери. Ею никто особенно не восхищался, слишкомъ незамѣтна была она среди блестящей толпы. Очень жалѣла Юганна-Елизавета, что ея Фигхенъ, хоть сколько нибудь не похожа на принцессу Бевернскую Маріанну. Эта юная принцесса точно цвѣтокъ на длинномъ тонкомъ стеблѣ. И какъ мила, какъ со всѣми пріятлива. Въ свободное отъ увеселеній время всегда сидитъ, склонившись надъ какимъ-нибудь вышиваньемъ. Юганна-Елизавета такъ искренне увлечена прекрасной дѣвушкой, что пророчить корону своей любимицѣ. Но принцесса Маріанна скромна. Похвалы ее смущаютъ до слезъ. Кромѣ того, она призналась Юганнѣ - Елизаветѣ, что мечтаетъ о монастырѣ. Юганнѣ - Елизаветѣ это нравится. Для настоящей принцессы ничего другого быть не можетъ и не должно быть. Корона или монастырь. И какъ жаль, что Фигхенъ не похожа на принцессу Маріанну, Юганнѣ - Елизаветѣ жилось бы съ нею гораздо легчѣ и пріятнѣе.

Но теперь, въ Брауншвейгѣ, она рѣшила дать себѣ отдыхъ, не думать ни о чемъ неприятномъ, тяжеломъ. Все оставить для Штеттина. Здѣсь Юганна-Елизавета душа блестящаго общества, остроумная, веселая красавица. Она помогаетъ крестной веселить гостей, придумываетъ столько интереснаго, веселаго, что всѣ удивляются ея изобрѣтательности.

Особенно хлопотала Юганна - Елизавета передъ послѣднимъ маскарадомъ, которымъ должны были, наконецъ, завершиться карнавальныя торжества въ Брауншвейгѣ. Она сама слѣдила за убранствомъ бѣлаго зала, придумывала рисунки на стѣнахъ и шуточные къ нимъ надписи, сочиняла привѣтственные стихи, обсуждала костюмы, устраивала шествіе.

И маскарадъ удался на славу.

Когда подъ звуки трубъ, по бѣлому залу двинулась процессія костюмированныхъ, гдѣ были и индійскіе принцы, и индійскія принцессы, и зефиры, и амурь, и боги, и богини, и Орлеанская дѣва, и Карлъ XII, и Людовикъ XIV, и Св. Елизавета,—зрители не выдержали. Чтобы лучше выразить свой восторгъ, взяли въ руки тамбурины и стали бить въ нихъ съ увлеченіемъ, все сильнѣе охватывавшимъ ихъ по мѣрѣ того, какъ развертывалось шествіе,

Временами оркестръ, трубы и тамбурины смолкали. Въ залѣ становилось такъ тихо, что изъ сосѣднихъ покоевъ доносился плескъ воды маленькихъ фонтановъ. Тогда на пунцовый коверъ передъ золочеными креслами выступалъ кто-нибудь изъ костюмированныхъ членовъ процессіи и пѣлъ или декламировалъ нарочно сложенные къ этому дню привѣтствія.

Первыми выступили дѣти, одѣтыя зефирами. На нихъ были легкія зеленоватыя платья, крылышки за спиной и розовыя гирлянды въ рукахъ и на головѣ. Зефиры разводили руками, раскачивали гирлянды и, танцуя подъ музыку, пѣли:

Въ этотъ свѣтлый и мирный пріютъ
Игры, шутки и смѣхъ насъ влекутъ,
Какъ плѣнительны музыки звуки!
Въ легкомъ танцѣ сплетаемъ мы руки,
Газвлекая любезныхъ гостей
Цѣлымъ рядомъ веселыхъ затѣй.

А когда кончили зефиры, на пунцовый коверъ вышла одѣтая спящей красавицей принцесса Бевернская и нѣжнымъ голосомъ, аккомпанируя себѣ на лютнѣ, запѣла прелестную пѣсенку:

Выйдя лѣса на опушку,
Пастушокъ зоветъ пастушку
Для веселыхъ игръ и смѣха,
Но ему лишь вторитъ эхо,
А пастушка далека—
И не слышитъ пастушка.

Восторгу гостей не было границъ. Всѣ требовали, чтобы принцесса повторила романсъ.

И когда она кончила, многіе изъ гостей про себя, вполголоса, повторяли только что пропѣтыя слова, потому что знали ихъ уже наизусть и всѣ безъ исключенія признали принцессу Маріанну совершеннѣйшей изъ всѣхъ существующихъ принцессъ.

А Иоганна-Елизавета, придумавшая ей костюмъ, отъ успѣха своей любимицы сдѣлалась еще красивѣе и съ такимъ огнемъ протанцовала жигу, что итальянскіе послы бросились благодарить ее и увѣряли, что такого исполненія ихъ родного танца имъ не случалось видѣть даже въ Италіи и что Иоганна-Елизавета перенесла ихъ на любимую далекую родину.

Фикке, въ своемъ костюмѣ пастушки съ посохомъ, украшеннымъ длинными голубыми лентами, очутилась въ самомъ концѣ процессіи, въ парѣ съ какимъ-то толстымъ, совершенно ей незнакомымъ и очень молчаливымъ пилигримомъ.

Съ ея мѣста она совсѣмъ хорошо видѣла только сверкавшій золотомъ, серебромъ и хрусталемъ буфетъ. Въ другое время онъ навѣрное бы заинтересовалъ ее. Особенно столъ съ „парадными“ кушаньями. Жареный заяцъ бѣжалъ, какъ живой. На голову кабана было страшно смотрѣть. Бѣжъ изъ айвы, съ воткнутыми въ нее иглами, палочками корицы, точно сейчасъ прибѣжалъ изъ лѣсу.

Но то, что происходило передъ золочеными креслами, было слишкомъ увлекательно. Фикке вытягивала шею, становилась на цыпочки, чтобы чего-нибудь не пропустить.

„Танцуютъ! Декламируютъ! Опять танцуютъ. Запѣли. А кто поетъ и совсѣмъ не видно“.

Фикке все стоитъ, все смотритъ, какъ другіе и танцуютъ, и поютъ, и декламируютъ. Но все только смотрѣть, да еще такъ долго—скучно. И устала она.

Ужасно обрадовалась, когда вся программа процессіи, наконецъ, была выполнена и, по знаку герцогини, начались общіе танцы.

Гремѣла музыка. Пажи ловко сновали между танцующими, разнося на серебряныхъ подносахъ стаканы съ виномъ, всевозможными напитками и конфеты.

Фикке стояла у стѣнки съ надутымъ недовольнымъ лицомъ.

Костюмъ пастушки она уже сняла. Надѣла придуманное для нея Бабетъ совсѣмъ простое платье изъ бѣлаго матоваго шелка съ однимъ только украшеніемъ въ видѣ серебрянаго аграфа на груди. И волосы Фикке причесала, какъ научила ее Бабетъ. Высоко подобрала спереди, а локоны подхватила серебряной лентой. Нарядъ былъ не богатый, если сравнить его съ другими дамами, но красивый и очень подходящий для такой молодой особы, какъ Фикке. Но, еслибы Бабетъ ее увидела, то прежде всего сказала бы:

— Убери свой подбородокъ, Фигхень!

И все вышло бы совсѣмъ хорошо.

Но Бабетъ осталась въ Штеттинѣ, и никто въ Брауншвейгѣ не хотѣлъ танцовать съ нахмуренной дѣвочкой, когда кругомъ было множество привѣтливыхъ, улыбающихся и очень хорошенькихъ дамъ.

Подбородокъ Фикке все сильнѣе выдвигался впередъ.

— Вотъ вы гдѣ! — вдругъ раздался около нея знакомый нѣжный и ласковый голосъ. Принцесса Маріанна обняла Фикке за талію.

— Я устала и здѣсь такъ душно, — сказала она. — Пройдемте куда-нибудь, гдѣ прохладнѣе.

И онѣ вдвоемъ направились къ дверямъ.

У выхода изъ зала ихъ остановила Юганна-Елизавета.

Она смѣнила костюмъ итальянки на голубое, затканное серебромъ, платье изъ одной изъ тѣхъ матерій, которыми на всю Европу славился Цербеть.

— Скорѣй идите за мной, Маріанна, — таинственнымъ полушопотомъ сказала она принцессѣ Бевернской. — Тамъ, въ гротѣ, извѣстный предсказатель и хиромантъ графъ Менгденъ, каноникъ, который пріѣхалъ съ епископомъ принцемъ Корвенскимъ, говоритъ всѣмъ такія вещи.. Я не сомнѣваюсь, что онъ предскажетъ вамъ корону, моя красавица. Торопитесь! — Юганна-Елизавета отъ возбужденія и нетерпѣнія даже слегка подталкивала медлившую принцессу.

— Не надо... Я боюсь... Мнѣ не хочется итти, — отказывалась та.

Но съ Юганной-Елизаветой было трудно справиться. Принцессѣ Маріаннѣ пришлось уступить.

Фикке не отставала отъ нихъ.

Къ хироманту ее никто не звалъ, но послушать, какъ

предсказываютъ даже другимъ, да еще корону, было такъ интересно, что она вся оживилась.

Въ залѣ, обращенномъ въ садъ съ искусственными бесѣдками и гротами, было прохладно. Въ углахъ плескались фонтаны. Изъ бѣлаго зала доносилась заглушенная музыка. Около одного изъ гротовъ толпились разряженные кавалеры и дамы. Переговаривались вполголоса. Казались возбужденными и взволнованными.

Все раступились, пропуская Юганну-Елизавету съ принцессой Маріанной. Фикке прошмыгнула за ними и замерла у самаго входа въ гротъ.

На нее прямо въ упоръ смотрѣли два глаза.

Эти черные сверкающіе глаза точно заглянули въ глубину ея души. Заглянули, увидали тамъ то, о чемъ не подозрѣвала еще и сама Фигхенъ и уже больше не смотрѣли на дѣвочку.

— Надѣюсь, графъ, что вы предскажете всеми нами любимой принцессѣ то, что принадлежитъ ей по праву красоты и рѣдкихъ достоинствъ ея души,—говорила Юганна-Елизавета. А принцесса Маріанна отъ крайняго смущенія стояла съ низко склоненной головой.

„Графъ? Но почему же онъ весь въ черномъ?“ — мелькало въ головѣ Фикке. Вытянувъ шею, она вся насторожилась, чтобы не пропустить ни одного слова тайственнаго человѣка.

Каноникъ скользнулъ равнодушнымъ взглядомъ по склоненной передъ нимъ золотистой головкѣ Маріанны.

— Вы видите корону на лбу принцессы?—подсказывала ему нетерпѣливая Юганна-Елизавета.

— Здѣсь я не вижу ни одной короны,—спокойно и увѣренно отвѣтилъ каноникъ. И, уже другимъ голосомъ, громко и торжественно, прибавилъ:

— Но вотъ тамъ я вижу, и не одну, а нѣсколько коронъ. И высоко поднявъ руку въ широкомъ черномъ рукавѣ, онъ указаль на стоящую у входа Фигхень.

Всѣ огни всѣхъ пережитыхъ празднествъ, всѣ брилліанты, все золото, серебро и драгоценные камни сверкнули передъ глазами Фикке. Сверкнули и ослѣпили ее, неподготовленную къ яркому свѣту.

Черезъ минуту она уже пришла въ себя. И, точно просыпаясь, услышала взволнованный, настойчивый голосъ матери:

— Вы, конечно, пошутили, графъ! Скажите скорѣй, что это все шутка. Больше вѣроятія, что у моей дочери не будетъ и одной короны, а вы сказали, что видите ихъ нѣсколько...

— Вижу, по крайней мѣрѣ, три короны,—повторилъ внятно, властно и торжественно черный графъ.—Но, быть можетъ, ихъ будетъ и еще больше.

— Фигхень, иди танцовать. Я хочу еще поговорить съ графомъ,—засуетилась, вся потрясенная, Іоганна-Елизавета,—Иди, веселись.

Фикке молча повернулась и вышла изъ грота.

Ей было довольно того, что сказалъ черный графъ.

Распрашивать дальше она не хотѣла.

Она будетъ королевой! Настоящей, могущественной!

„Три короны. А, можетъ быть, и больше“. Такъ онъ скааль.

— А это не шутка?—доносится ей вслѣдъ недовѣрчивый голосъ матери.

Но это сомнѣвается Іоганна-Елизавета. Фикке вѣритъ и знаетъ, что будетъ королевой. Среди нарядной толпы идетъ съ такимъ видомъ, точно на ея плечахъ уже мантия, а за нею драгоценный шлейфъ и такой длинный, какого нѣтъ ни у одной герцогини. И это не важно, что венеціанскія зеркала отра-

жаютъ дѣвочку, одѣтую въ скремное бѣлое платье. Въ толпѣ, гдѣ она проходитъ, ее всѣ замѣчаютъ.

— Кто такая? Очаровательна! Какъ мила!—раздается ей въ слѣдъ. Всѣ удивляются, что не замѣтили раньше прелестной принцессы.

И Фигхень вся другая, чѣмъ часъ тому назадъ.

Подбородокъ спрятался. Глаза стали большими, лицо значительнымъ. И все это сдѣлало счастье. Фигхень такъ счастлива, такъ счастлива, что счастливѣе ея, конечно, нѣтъ никого ни въ залѣ, ни во дворцѣ, ни во всемъ Брауншвейгѣ, а, можетъ быть, и въ цѣломъ свѣтѣ.

И она нисколько не удивляется, когда самый блестящій изъ всѣхъ кавалеровъ, Генрихъ-Фридрихъ-Людвигъ прусскій, братъ Фридриха Великаго, подходитъ и приглашаетъ ее танцевать съ нимъ менуэтъ. Такъ должно быть. Торжественная музыка, церемонныя плавныя движенія. А въ душѣ радость все растетъ и растетъ.

Королева танцуетъ на своемъ первомъ королевскомъ балу.

Н. Манаскина.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Шарада №. 14.

Предлога два поставьте по бокамъ,
Слогъ средній въ нотахъ попадется вамъ,
А все мое найдете безъ сомнѣнья
Вы, осмотрѣвъ кусты иные и растенья.

Шарада №. 15.

Начало буквою согласной вы зовете,
Конецъ родится съ ягодой, съ плодомъ,
А все мое—на берегу морскомъ,
Въ пустынь, у рѣки навѣрно вы найдете.

Шарада №. 16.

Съ одною буквою въ лѣсу бываю я,
Вы издали всегда услышите меня.
Но, если букву мнѣ другую вы дадите,
Тогда въ морской водѣ, на двѣ меня ищите.

Шарада №. 17.

Начало—крупное число,
Конецъ—течетъ во Франціи рѣкою,
А все,—когда бываетъ намъ родною,—
То съ нимъ всегда разстаться тяжело.

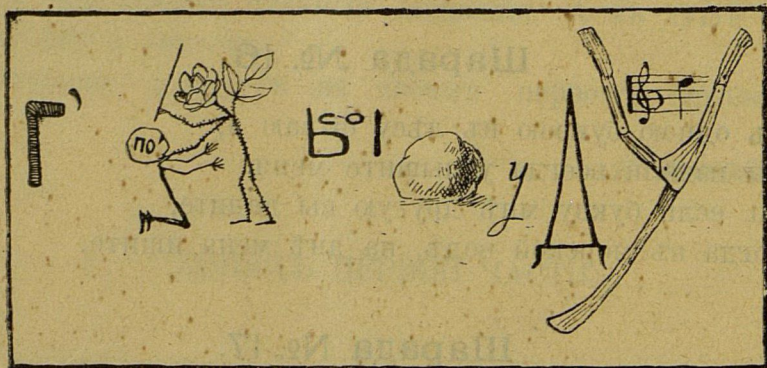
Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 21-мъ,
22-мъ и 23-мъ №.№.

Ребусъ № 8—Муравей не по себѣ ношу тащитъ, да ни-
кто спасибо ему не молвить, а пчела по капелькѣ носить —
да Богу и людямъ угождаетъ.

Загадка № 17—Оса-да.

Шарада № 12—У-ступка. Шарада № 13—По-говор-ка.

Ребусъ № 9.

Содержаніе.

Стихи.

	Стр.
1) Синяя дорога—С. Съвернаго	3
2) Жизнь Хитролиса—П. Соловьевой . . . 41, 66, 114, 194, 247, 292, 340, 366, 385, 417, 449, 501, 511, 543, 575, 607, 639, 706, 719, 767, 849, 863	
3) Лоси—А. Кондратьева	55
4) Бабушка—Н. Ашукіна	103
5) Лънивая невѣста—А. Насимовича . . .	161
6) Старуха-зима—А. Насимовича	230
7) Большой мальчик—Allegro	257
8) Жены-муроносицы—П. Соловьевой . . .	305
9) Христова дочка—С. Городецкаго	318
10) Свѣтлый день—Allegro	334
11) Кладь—О. Бѣляевской	353
12) Ручеекъ—А. Насимовича	481
13) Капустникъ—А. Насимовича	671
14) Перводутокъ—С. Городецкаго	818

Повѣсти, рассказы, сказки и легенды.

1) Куриная слѣпота—Н. Манасеиной	4
2) У Младенца-Исуса—С. Лаврентьевой . .	24
3) Маруся—О. Бѣляевской	56, 104
4) Въ школу—Н. Миронова	162, 200, 231
5) Благовѣщенье—Н. Маркова	226
6) У райскихъ дверей—П. Соловьевой . .	271
7) Пасха—А. Ремизова	307
8) Поясъ Пресвятой Богородицы—Н. Ма- насеиной	314
9) Овсянки—Н. Манасеиной	319
10) Бѣгство—М. Шагинянъ	355, 393
11) Кривенькій—В. Глинской	425, 459
12) Лѣшій—В. Абрамовой	482, 518, 555
13) Письмо—Е. Шведера	617
14) Старуха—сказка—М. Шагинянъ	649
15) „Скокъ“—Ю. Насвѣтовой	672
16) Четыре вѣтра—И. Кондурушкина	728
17) Черный мельникъ—Е. Иванова	783, 820

Историческіе рассказы и статьи.

	Стр.
1) Широкая масляница—Н. Манасеиной . .	152
2) Подвигъ Троице-Сергіевскаго мона- стыря—П. Куликова	203, 238, 273
3) Первое апрѣля—Н. Манасеиной	259
4) Цербтская принцесса—Н. Манасеиной . .	681, 740, 791, 834, 886, 976
5) Сочельникъ царя Алексѣя Михаило- вичя—Н. Манасеиной	927

Биографіи и научныя статьи.

1) Исторія воздухоплаванія—Л. Егорова . . .	36, 86, 135, 180, 211, 244
2) Что необходимо полярному путеше- ственнику	91
3) Кометы—Е. Львова	130, 182, 214, 385
4) Чеховъ—П. Мамаева	168
5) Чѣмъ вы можете заняться лѣтомъ— Е. Соловьевой и В. Преображен- скаго	376, 407, 439
6) Фабръ—И. Александрова	473
7) Куда земля дѣвается, когда кольъ вби- вается—М. Новорусскаго	623, 657
8) Олимпійскія игры—проф. М. Ростов- цева	827, 913

Переводы.

1) Новогодній подарокъ—Анатолія Франса .	29
2) Маленькій козопасъ—Эрнста Цанъ . . .	77, 119
3) Когда сплавляли лѣсъ—Чарльса Ро- берта	286
4) Мухоморъ—М. Кибера	403
5) Сѣдая сосна—П. Розеггера	494, 526
6) Кораллы—Эвальда	561, 585

Театральныя пьесы.

1) Царевна Земляничка—П. Соловьевой . .	936
---	-----

Путешествія.

	Стр.
1) На родинѣ первыхъ людей—П. Инфантьева	266, 347, 362, 398, 432, 469, 488, 581, 567, 594, 631, 665, 699, 757, 807, 842
2) Пурга—П. Островскихъ	279

Картины и портреты.

1) Свѣтъ въ Египтѣ—картина Эрика Рэпъ. На отдѣльномъ листѣ.	
2) Портретъ А. П. Чехова	169
3) Назаретъ—картина Гольмана Гёнтъ	225
4) Жены-мученицы—картина Лауренса	305
5) Портретъ Юанны-Елизаветы Ангальтъ-Цербстской, матери Екатерины II	686
6) Портретъ Христіана-Августа Ангальтъ-Цербстскаго, отца Екатерины II	687
7) Портретъ естествоиспытателя Фабра	473
8) Портретъ Л. Н. Толстого	815
9) Вилеемская звѣзда—картина Бёрнъ-Джонса. На отдѣльномъ листѣ.	

Вѣсти отовсюду.

	Стр.
Стр. 49, 96, 97, 136, 137, 138, 139, 140, 185, 186, 187, 216, 217, 253, 298, 299, 349, 382, 715, 762, 763, 811, 860, 923.	

Печальная вѣсть.

1) Кончина великаго русскаго писателя Льва Николаевича Толстого	816
---	-----

Почта „Тропинки“.

Стр. 51, 98, 141, 188, 218, 254, 300, 350.	
--	--

Ребусы шарады и загадки.

Стр. 51, 52, 100, 143, 144, 221, 222, 350, 414, 446, 477, 478, 510, 539, 540, 604, 636, 715, 716, 812, 860, 924.	
--	--

Народныя пѣсенки, поговорки и примѣты на каждый мѣсяць.

Стр. 100, 142, 190, 221, 302, 349, 381, 414, 446, 477, 509, 539, 572, 604, 636, 668, 716, 764, 812, 860, 924.	
---	--

Одобрено для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. „Елка“. Стихи для дѣтей. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна въ обложкѣ 35 к., въ папкѣ 65 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Одобрено для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. „Семилѣтка“. Народныя сказки. Съ рисунками. Изданіе 2-ое. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к. *Ученымъ Комитетамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено* въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ.

Одобрено для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Допущено въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Свадьба Солнца и Весны“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 20 коп.

Одобрено для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Допущено въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Разгадай-на!“ Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Цѣна 25 к.

Соловьева П. С. „Березины именины“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Соловьева П. С. „Чудесная ночь“. Пьеса въ стихахъ. Цѣна 20 коп.

Соловьева П. С. „Первое апрѣля“. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Цѣна 10 к.

Соловьева П. С. „Няня“ и „Люди въ трехъ дѣйствіяхъ“. Цѣна 15 к.

Шапиръ Н. Я. „Люди и звѣри“. Съ рисунками. Цѣна 25 коп.

Францъ Анатоль. „Пчелка“. Сказка. Съ рисунками. Изданіе 3-ье. Цѣна 25 к.

Одобрено для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній

Новыя изданія „Тропинки“.

Егоровъ Л. Н. „Исторія воздухоплаванія“. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Манасеина Н. И. „Овсянки“. Пять рассказовъ для дѣтей. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Соловьева П. С. „Жизнь Хитролица“. (Изъ старо-французскаго эпоса). Въ стихахъ. Съ 170-ю рисунками Рабье. Цѣна въ обложкѣ 1 р. 70 к., въ папкѣ 2 р.

Соловьева П. С. „Царевна Земляничка“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 30 к.

Соловьевъ П. С. „Новый годъ“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 20 к.

Шведеръ Е. І. „Пушкинскіе уголки“. Съ рисунками. Цѣна 20 коп.

Книгоиздательство беретъ на себя почтовые расходы только въ томъ случаѣ, если книгъ выписывается не менѣе, чѣмъ на 1 рубль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1911 г.

на иллюстрированный детский журнал

6-й годъ
изданія.

ТРОПИНКА

24 нн.
въ годъ.

Журналъ выходитъ **1 и 15** каждаго мѣсяца въ **2—3** печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, путешествія, биографіи, историческія статьи, стихи, театральныя пьесы, научныя статьи, вѣсти отовсюду, юмористическіе рассказы и стихи, смѣшныя картинки, ребусы, шарady и загадки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ **3 руб.**
съ пересылкой и доставкой

Въ редакціи имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты 1908 и 1910 гг. Комплекты 1906, 1907 и 1909 гг. все разошлись.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 36, кв. 26.

Телефонъ 497-55.

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева и Ж. Манаскина.*

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Просимъ прочесть непременно.

Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворять не можетъ.

Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается **20** коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородный или иногороднаго на петербургскій уплачивается **40** коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по средамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Условія подписки на 1910 г. на годъ 3 р. съ пересылкой и доставкой.

